

Антон Емельянов и Сергей Савинов

ЯПОНСКАЯ ВОЙНА. 1905
Книга шестая

Второй Сибирский

Сергей Савинов

**Японская война
1905. Книга шестая**

«Емельянов Антон»

«Савинов С.А.»

2026

Савинов С. А.

Японская война 1905. Книга шестая / С. А. Савинов —
«Емельянов Антон», «Савинов С.А.», 2026 — (Второй
Сибирский)

Продолжение приключений попаданца на Русско-японской войне. Бой закончился. Пушки замолчали. Но никто еще долго не сможет спать спокойно. Слишком много интересов пересеклись в одном месте. Слишком много чужих кораблей у горизонта.

© Савинов С. А., 2026
© Емельянов Антон, 2026
© Савинов С.А., 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Японская война 1905. Книга шестая

Глава 1

Маньчжурия, 21 января 1905 года

Колеса мягких четырехосных вагонов новой конструкции стучали по рельсам, и в резком холодном воздухе этот гул разлетался на многие километры. Двое молодых инженеров даже поспорили: глупость ли это или на самом деле чем больше звука уходит вдаль, тем меньше остается рядом, и сон получается более здоровым и глубоким.

В солдатских вагонах такие высокие материи никого не интересовали. Бывшие крестьяне и мещане больше думали о том, что ждет их дальше. Вырванные из привычной жизни, они, конечно, слышали новости о победах русского оружия, но нет-нет, а кто-то задавался вопросом, какой ценой они оплачены. Сколько крови уже пролито, сколько еще будет и, главное, доживет ли вот он, обычный Семен или Сашка, до будущего мира. Ответов не было, и сон из-за этого выходил тревожным и чутким.

Последний вагон в поезде был еще старой конструкции, и кто-то опытный легко бы опознал на нем метки Рязано-Уральской железной дороги, а то и смог бы определить конкретный город – Саратов – откуда его перегнали в Москву, а там и добавили к основному составу. Обычно такое смещение вагонов не мешало старым и новым пассажирам общаться во время долгих остановок на Транссибе, но саратовские гости предпочитали собственную компанию.

– И все же, Петр Аркадьевич, как думаешь, зачем Плеве так срочно отправил нас на восток? – один из двух крепких сорокалетних мужчин оторвался от бумаг и посмотрел на второго.

– Дмитрий Борисович, мы ведь уже обсуждали...

– И все же! Меня из Одессы, тебя из Саратова.

– А чем это отличается от того, как меня в прошлом году выдернули из Ковно? Плеве и в тот раз, и в этот сказал примерно одно и то же. Меня ваши личные обстоятельства не интересуют, теперь вы нужны Родине именно в Маньчжурии.

– Ну хватит темнить! Я понимаю, что у тебя в Саратове были непростые времена: самые малые крестьянские уделы во всей империи, постоянные бунты... И отмечу, что моя сестра и твоя жена совсем не одобряет того, как ты с ними разбирался. Выходить к крестьянам и лоб в лоб с ними разговаривать – это могло плохо кончиться.

– Нельзя мне было бояться! Да и люди... Да, они выгоняли помещиков пару раз, но даже пальцем никого не тронули. Грань большой крови была близко, но... Ее пока не перешли, и я точно не собирался быть первым, кто это сделает.

– А вот прадед твоей жены...

– И твой.

– Так вот наш общий прадед, Александр Васильевич Суворов, не боялся пролить кровь ради дела. Хоть на войне, хоть во время бунта – потому что власть, которая теряет силу, приводит к еще большим жертвам.

– Я же не спорю. И поверь, если нужно будет, стану вешать бунтовщиков вдоль дорог. Рука не дрогнет.

– И поэтому мы едем?..

– Да нет! Плеве хочет использовать мои идеи по крестьянству. То, что мы не могли себе позволить сделать в Саратове – ты же знаешь, как все держатся за идею общины. Хоть консерваторы, хоть революционеры – все ее холят и лелеют. А я считаю, что крестьяне должны получать не общую землю, а личную! Не куски, разбросанные на километры друг от друга, на которые даже технику не загонишь! Не подачки, за которыми никто не следит, потому что в

любой момент их могут передать кому-то другому, а свое! И в Маньчжурии, которая скоро станет нашей, мы сразу сможем сделать все правильно. А когда все увидят разницу, то там, глядишь, и в самой России следующему министру внутренних дел станет проще довести наше с Плеве дело до конца.

– Петр Аркадьевич – губернатор Маньчжурии, самого свободного края Российской империи. А что, звучит!

– Дмитрий Борисович – градоначальник порта Дальнего, который сделает его новой Одессой Востока...

– Тоже ничего. И думаешь, мы справимся?

– Мы – да. Но будет непросто.

– Будут мешать? В Маньчжурии ведь сейчас великий князь Сергей Александрович, Витте, куча армейских и флотских... Наместник Алексеев тоже будет не рад, когда мы приведем бумаги, отправляющие его на пенсию.

– Меня больше волнует местный герой, Макаров.

– А разве он не похож на тебя? Любит технические новинки, дает свободу тем, кто с ним работает. Мне, наоборот, кажется, что именно в нем ты найдешь союзника.

– Кажется... Ты разве не видишь, что он делает? Все свое! Продукты – местные, армии – пусть пока и добровольные части – из местных, оружие – тоже сам. Или взять Инкоу, что ему выделил царь – он ворочает там миллионами и не платит с них ни рубля налогов. В общем, поверь мне, второе Княжество Финляндское – это последнее, что мне хотелось бы получить из Маньчжурии.

– Это точно, финнов ты терпеть не можешь.

– К финнам я нормально отношусь. Мне не нравится, что они ставят свой угол выше всей России. Или ты забыл их вольности? Никакой службы в армии, никаких налогов! Разве это нормально для народа, что тянет и тянет ресурсы из империи?! Мы подарили Финляндии первые в их истории сто лет свободы и мира! А они? Они урезают в правах тех, кто говорит по-русски! Нет, пусть до финского сейма мне пока не добраться, но вот здесь я такого не потерплю. Маньчжурия станет такой же частью России, что и все остальные, и никакие герои меня не остановят...

Неожиданно поезд начал замедляться, хотя до ближайшей станции было еще не меньше часа.

– Петр Аркадьевич... – в купе заглянул старший команды землемеров, что ехали в том же вагоне. – Там казаки. Разъезд генерала Макарова, приказывает нам отправляться на запасные пути.

– И с чего бы мы должны их слушать?

– Война! Японцы снова напали, и Макаров гонит эшелоны с припасами на юг. Нам обещают окно через два часа, но пока нужно подождать.

– Что ж... – мужчина сжал свои огромные кулаки. – Если война, то мы подождем. Пока...

Петр Аркадьевич Столыпин разжал ладони и, словно ничего не случилось, снова погрузился в чтение взятых с собой документов.

Йончон, 21 января 1905 года

Семен Михайлович Буденный вывел 3-й броневой полк к Йончону с опозданием в 6 часов.

– Потери на переходе? – уточнил он у приданного ему от штаба корпуса Ганса Брюммера.

– Четыре перегрева двигателя... – начал тот.

– Зимой? Перегрев? – нахмурился Буденный.

– Переход долгий, качество моторов разное, – штабист только руками развел. – Да и топливо! Наши интенданты землю роют, проверяя качество каждой поставки, но за всем не уследишь.

– Номера партий записать, по возвращении передать Огинскому. Пусть вздернет, если кто только посмел руку нагреть! – Семен немного успокоился. – Дальше.

– Две трансмиссии разлетелись из-за качества стали. По предварительной оценке, не выжгли какие-то примеси, и...

– Дальше.

– Шесть обрывов приводных цепей, один треснувший вал. У новых бензиновых еще двенадцать засорившихся карбюраторов.

– Все?

– Разведка неправильно посчитала уклон дороги на пути 7-го и 12-го отделений, они застряли. Не хватило крутящего момента, просто чтобы забраться в гору. А офицеры вовремя не заметили, и броневики по пузо закопались в землю.

Семену захотелось выругаться: восемнадцать машин в минусе всего за сутки, а они еще даже сражаться не начали. Хорошо, что они это учитывали. Вячеслав Григорьевич с самого начала взял на контроль, и у Буденного в батальонах еще третьи боевые роты были не до конца сформированы, а ремонтно-саперные уже получили полный штат и чуть ли не первыми начали боевое слаживание.

И вот – не зря! Именно благодаря этой предусмотрительности уже завтра потерянные машины снова будут в строю. Отставшие догонят, сломавшихся подтащат специальные тягачи и приведут в порядок.

Так что нечего волноваться. Главное, Буденный точно знал, на что может рассчитывать, и пусть у врага было численное превосходство, он не сомневался, что может победить. Вперед тем временем выдвинулась 1-я рота. Несмотря на красивый номер, в ней были самые старые машины, собранные еще до Квантуна. Медленные, они тем не менее могли создать иллюзию главного удара, особенно с учетом присоединившегося к 3-му Броневому музыкантов.

Вообще, капельмейстер Доронин должен был держаться со 2-й дивизией Мелехова, но тут лично попросился в атаку, и Буденный не стал отказывать. На броню закинули весь их скарб: барабаны, трубы, кларнеты, литавры и даже один фагот. Сам же капельмейстер Доронин со своими музыкантами пошел с обычной пехотой. Их, конечно, не нагружали ничем лишним, но и так марш-бросок почти на семьдесят километров мог вымотать любого. Однако Доронин и его люди справились – более того, как пришло время, ни секунды не теряя, тут же пошли вперед.

Кто-то скажет – ну что такого в этой музыке? И зря! Идти в атаку в тишине и когда в такт твоему сердцу бьют барабаны, а вместе с дыханием вылетают слова песни – это огромная разница. Небольшой отряд, встретивший японцев огнем на дальней дистанции, словно вырос в размерах в несколько раз. И враг не удержался. Вместо того, чтобы откатиться, встретив неизвестные силы противника, как сделал бы сам Семен, японцы полезли вперед.

– Дуром прут, – поморщился Брюммер.

– Наши успели им крови попить, – просчитал ситуацию Буденный. – К ним основные силы подошли, думали, добьют теперь, а тут мы. Обида – страшное дело.

– Сдюжим?

– Сдюжим, – Семен уже мысленно представил развитие боя на несколько ходов вперед. – Разве не видишь, они машины получили, даже стрелять из них научились, но... Просто берут и кидают их в лоб. А броневики – они ведь не сильно от кавалерии отличаются. Иногда можно грудью на врага, но чаще – лучше в обход.

В этот самый момент приданный полку капитан Городов поймал сообщение от 2-й и 3-й рот.

– Они вышли на позицию.

– Как помехи? – Буденный хотел убедиться, что в последний момент его точно не лишат связи.

– Давят! Но у нас усилители, а тут расстояние меньше пяти километров. Хрен японцы что нам сделают!

– Хорошо. Ждем, – Семен запрыгнул на головной броневик из личного резерва и махнул мехову, чтобы тот подъехал поближе, а сам вытащил бинокль и начал оглядывать поле боя.

Остатки 4-й стрелковой дивизии Шатилова при поддержке разведчиков окопались на самой окраине Йончона, вся остальная часть деревни просто перестала существовать. Остатки домов – руины. Бывшие минные поля – перекопанная земля да грязные лужи, где смешались в единое целое растаявший снег и грязный черный пепел. А напротив уже снова шумели двигатели и ползли вперед японские броневики и догоняющая их пехота.

Два километра до 1-й роты Буденного – японские пулеметы попробовали открыть ответный огонь. Кто-то на ходу, кто-то остановился, чтобы повесить свои шансы...

– Командования на местах просто нет, – оценил японцев Брюммер. – Каждый экипаж сам по себе. Мы хотя бы на уровне рот еще можем держать связь, а они... Просто отправили броневики вперед, и дальше, мол, сами разберутся.

– У конницы такое тоже бывало, – Буденный невольно вспомнил рассказы о прошлых войнах. – Вот только в свободном поиске все зависит от выучки экипажей, от мастерства и опыта командиров. А у них всего этого просто нет. Некому было учить, негде было набивать свои шишки.

Словно подтверждая его слова, у японцев уже минуту не получалось взять верный прицел. И ладно только у тех, кто стрелял на ходу, но и девять из десяти остановившихся броневиков тоже не могли правильно навести пулеметы, разряжая сотни патронов в серое небо. А одна машина и вовсе... Начала съезжать на очередном склоне, а потом, взревев двигателем, резко ушла в сторону, развернувшись почти на сто восемьдесят градусов.

– Они что, потерялись? – Брюммер тоже их заметил. – Неужели сейчас...

Штабист до последнего не верил, что такое возможно, а вот Буденный, который и сам не сразу привык к узким щелям-окнам, был совсем не удивлен. В бою и так видно немного, а внутри броневика мир и вовсе сжимается до узкой полоски на стыке земли и неба. Его собственные новички сожгли не один десяток моторов, прежде чем научились чувствовать свои машины. А японцам такой возможности явно недодали. Мол, неужели и так не справятся.

И они справились... По-своему. Потерявшийся броневик так и не сумел понять, что развернулся, разогнал мотор и на всей скорости рванул «догонять своих». А там идущая для прикрытия техники японская пехота. И вот еще один шанс: остановиться, осознать, подумать... Но командир этой машины уже совсем не соображал. Приказ, оба пулемета застучали, поливая пулями своих же, а потом стальная машина еще и врезалась в тех, кто не разбежался. Только после этого до сидящих внутри японцев что-то дошло: броневик остановился, из люка показалось растерянное молодое лицо, а потом... Пистолет к виску и выстрел – впрочем, а что еще оставалось офицеру, не забывшему, что такое честь?

– Семен Михайлович, у 1-й роты проблемы с пробитиями... – связисты обратили внимание, что после первых удачных попаданий японские броневики стали куда лучше держать удар.

– Живучее, значит, стали, но идут медленнее, чем те, кого мы уже выбили, – сразу приметил разницу Буденный. – Похоже, японцы еще перед боем на часть машин повесили двойной слой брони. Благо с вышедших из строя машин ее можно было снять сколько угодно.

– И что делать будем? – молодой адъютант, приставленный к одному из героев этой войны, был готов бежать передавать любой приказ, но не потребовалось.

– Стрелять, – Буденный ни капли не смутился.

– А как же?..

– Просто ждите, – Брюммер мог бы рявкнуть на суетливого офицера, но вместо этого лишь понимающе улыбнулся. Все верно, они пришли сюда побеждать и учиться... Чтобы в

русской армии появились знающие офицеры не только для этой войны, но и для следующей. В том, что до нее обязательно дойдет, молодой штабист ни капли не сомневался.

А тем временем японские броневики один за другим начали замирать.

– Ничего не понимаю, – растерянно потер лоб адъютант. – Снаряды же их не пробивают, а они берут и встают. Как такое возможно?

– За все нужно платить, – Брюммер на мгновение прикрыл глаза. – Японцы решили ставить больше брони – очень разумно. Но заклепки у них тут только стандартной длины – объективный факт. Они решили, что это принципиально ничего не изменит, и, скажу честно, я сам когда-то так думал. Но генерал Макаров гонял нас всех на полигоны, заставлял изучать все нюансы техники, на которой мы будем работать. И знаете, что мы все поняли?

– Короткие заклепки? Их вырывает! – догадался адъютант, и Брюммер кивнул, довольный его сообразительностью.

– Причем массово! Один близкий взрыв, второй, третий – и обычные-то начинают стрелять, а короткие просто устроят внутри машины камеру смерти.

Адъютант представил, что творится под сталью замерших посреди поля броневиков, и резко побледнел. А вот остальные не отвлекались. Буденный выждал, пока японские машины как можно дальше оторвутся от пехоты, а потом отдал приказ, чтобы 2-я и 3-я роты начинали движение. И это было страшно. Страшно в кажущейся наивности попытки остановить такую армаду.

Даже после всех потерь японских броневиков было еще очень много, а выехавшие из балки две роты «Артуров» казались такими несерьезными на их фоне. Да и не только на их! Так-то ширина поля боя выходила почти пять километров: считай, Ватерлоо, где в свое время сошлись под двести тысяч с обеих сторон. А тут только их полк должен справиться! Буденный сжал кулаки. И они смогут – не зря ситуацию-то создавали прямо под себя!

– Ползут словно в тире, – шептал Брюммер.

Упреждение, огонь – прямой наводкой! Сам Буденный мысленно повторял команды, которые не раз отрабатывал на учениях. И еще раз! Прямой наводкой! Ни одного снаряда мимо! 47-миллиметровые болванки врезались в стандартные шесть миллиметров боковой брони, где даже ребер жесткости было всего ничего – и, естественно, ничто не могло их остановить. Машина за машиной замирали, словно влетев в стену. Где-то снаряды задевали чужой боеприпас, и такие броневики вспыхивали черными факелами. Первый десяток, второй, третий...

Чужая армия таяла на глазах, но продолжала ползти вперед. Броневики, пехота – какие-то солдаты залезали в машины с неповрежденными орудиями и пытались поддерживать своих с помощью пулеметов. На таких приходилось тратить по второму снаряду. Еще и еще! Буденный опять задумался, что сам в такой ситуации давно отвел бы войска назад, потому что даже победа после столь катастрофических потерь была бы равна поражению. Но японский генерал, словно тот потерявшийся броневик, пер вперед, не обращая внимания на подобные мелочи.

– Эффективность огня упала на тридцать процентов, – доложил Брюммер.

Буденный бросил взгляд на часы. Уже полчаса пролетело – как же незаметно, но все верно. Пушки не могут стрелять бесконечно: перегревается ствол, клинит затворы. Десять броневиков уже лишились орудий и даже без участия врага вынужденно отползали в тыл, а чем дальше, тем больше будет подобных потерь.

– Мы можем отойти и потом ударить еще раз, – предложил Брюммер, слушая новые доклады от воздушной разведки.

– Держимся, – Буденный пока не собирался отступать.

В отличие от штабиста он следил еще и за боевым духом врага. В самом начале он дал пехоте отстать от броневиков, и теперь та, видя поражение своих машин, невольно медлила. Будь они рядом, то эти же солдаты уже рванули бы вперед, а так... Терялись, дрожали и, главное,

в глубине души не верили, что могут победить. И если он, Буденный, сейчас отступит, приняв это бесконечно верное и разумное решение, то этим же он подарит врагу веру в себя. То самое главное, чего японцам сейчас так не хватало.

Еще десять минут боя.

– Отвести броневики на вторую линию, – вот теперь можно было отдать этот приказ.

Враг подобрался слишком близко да еще и пристрелялся по ним. Несмотря на общее решение продолжать бой, с этим нужно было что-то делать. А учитывая выучку экипажей, смена позиций – это то, что доктор прописал. Позволит выиграть расстояние, даст так необходимые мгновения, чтобы стволы пушек хоть немного остыли, ну и подарит несколько минут, когда наши уже пристреляются, а враг еще будет судорожно подбирать дистанцию и возвышение ствола.

Первое отступление, второе – на поле боя начали замирать первые подбитые русские броневики. Еще и пехота японцев все-таки подтянулась, начав поддерживать своих огнем из винтовок, горных пушек, а при удаче и гранатами.

– Что говорит разведка? – Буденный не показывал, но внутри него все ходило волнами от тревоги. Хорошо, что с утра не хватило времени поесть, а то бы стошнило... Такая битва, такая ответственность. И на этот раз рядом никого нет, все зависит только от него!

– Уже около батальона скопилось на первой линии. Все за укрытиями, чтобы броневики не достали. Может, пора? – спросил Брюммер.

– Пора, – согласился Семен и стукнул по плечу командира своего броневика.

Пришло время вводить в бой последние резервы. Двенадцать машин, заревев моторами, отправились в обход. Двадцать семь минут, чтобы выйти на позицию. Сквозь треск помех долетело подтверждение из штаба, что их сигнал получен, а потом поле и сам воздух вокруг закопавшихся в землю японцев взорвались. Прячась от броневиков, они толпами забились в таких очевидно безопасных складках местности. В каждой балке, в каждом овраге колыхалось живое море, ожидая приказа наконец-то рвануть вперед.

Вот только они не успели. Приданная 3-му броневому полку русская пехота уже давно навела на них минометы. Ровно восемьдесят стволов, по двадцать сорокакилограммовых снарядов на каждый. Приказ. И поле к югу от Йончона превратилось в ад, а в этот ад ворвались последние двенадцать машин Буденного.

Возможно, это было и не нужно, но Семен вел своих вперед, рассекая позиции японцев и прикрывая свои застрявшие и потерявшие ход экипажи. Одновременно с этим сидевшие в самой деревне части полковника Шатилова взорвались криками и тоже пошли в атаку. Всего пара тысяч человек из целой дивизии. Все, кто мог стоять на ногах! Они кричали, они сжимали побелевшими пальцами винтовки и шли вперед.

Токио, район Тиёда, 21 января 1905 года

Император Мацухито стоял у окна, смотрел на внутренний двор бывшего замка Эдо и невольно думал, а к чему он привел Японию.

Когда его советники и друзья предлагали принять помощь Британии и Северо-Американских Штатов все было таким очевидным. Русские показали оружие нового века, они же в ответ создали его в разы больше и уже тем вырвались вперед. Более того, Мацухито не стал полагаться полностью на чужие слова и планы, добавив к ним свою решительность. Миллионы иен и самые нескромные обещания – император сделал все, чтобы увеличить шансы своих генералов.

Именно благодаря его энергии все получилось так быстро. Сотни кораблей из самых разных уголков мира потянулись к берегам Японии, чтобы привезти все необходимое. Не только целые машины, но и узлы, из которых их можно было собирать. Он дал своим людям возможность не просто использовать чужую силу, а сделать ее своей. Они учились строить броневики,

улучшать... Если бы им дали время, то они смогли бы обогнать в понимании и мощи этих машин весь мир! Но времени не было, а проблемы вылезали как побеги бамбука после дождя.

Ломались моторы, сбились пушки, не хватало топлива, а главное, люди... Его подданные, которые должны были умереть, но не подвести своего императора, оказались просто не готовы к тому, чтобы обернуться единым целым с гроыхающими стальными монстрами. Две трети! Две трети команд, что должны были стать экипажами первых броневиков, пришлось в итоге отчислять и набирать новые. Но даже так они собрали Великую Армаду – тысяча четыреста броневиков, которые уже переправлены на континент. Много? Еще недавно Мацухито считал именно так. А когда представлял, что они будут довозить по двести машин каждую неделю, то последние сомнения исчезали как дым.

Увы, перед наступлением, когда он ждал сладких вестей о формировании очередных броневых рот, ему прислали отчет о том, что их на самом деле стало меньше. Кажется, невероятно: они привезли двести броневиков, а рот стало меньше. Еще до боя! На эти деньги можно было бы купить пару крейсеров, ну или десяток миноносцев, а они сгорели без всякой пользы просто по пути к полю боя. И ладно бы все это окупилось. Но сражение началось, а эти ломучие броневики даже при поддержке артиллерии и воздушной разведки совершенно ничего не могли сделать.

Русские машины могли – император вспомнил доклады о раздражающем отряде, работавшем против их основных сил. Он вылетал там, где его не ждали, расстреливал боезапас и уходил. Словно дикая собака, которая рвет врага на куски и не дает себя коснуться. Маршал Ояма уверял, что все это не будет иметь смысла, когда 1-я армия Куроки и броневая дивизия Хасэгавы обойдут русские позиции. И император поверил.

Решил, что вот она сила машин, которые вогнали Японию в долги на десятки лет вперед. Они могут маневрировать, они могут атаковать врага там, где им это удобно, и... Сегодня пришел доклад, что Хасэгаву встретили. И остановили! Сначала обычная пехотная дивизия, а потом уже и русские машины. Макаров, демоны его дери, сумел перебросить броневой полк на сотню километров и, более того, разбить в четыре раза превосходящие его силы.

Как? Почему? Генералы не могли ничего ответить и отводили взгляды. А Мацухито все чаще вспоминал слова молодого Иноуэ, записанные во время допроса и которые он перечитывал последние несколько вечеров. Мы повторяем за русскими один ход, но они знают их тысячи... Они не рождены для войны, но война, словно любовница, раз за разом привлекает их, прижимая к груди и отталкивая тех, кто на самом деле должен быть рядом.

– Ненавижу! – выдохнул император вслух, а потом, словно ничего не случилось, повернулся к стоящему у двери офицеру из ставки Оямы. – Так что мы будем делать дальше?

– Маршал предлагает воспользоваться тактикой русских. До этого они держали наш удар, чтобы нанести свой в ответ и расцечь нашу армию на части. Теперь это сделаем мы! Русские идут вперед, но у нас достаточно пушек. За нами воздух! Мы выстоим, а тем временем в тылу будут сформированы новые броневые части. Это битва еще не окончена.

Император благосклонно кивнул, поддерживая энтузиазм офицера. Про себя же он опять вспоминал Иноуэ, который опять же оказался прав. Они повторяли, они снова будут повторять, в очередной раз оставляя русских на шаг впереди! Можно ли так в принципе победить?.. Мацухито махнул пальцами, отпуская офицера, а сам задумался. Позвать этого Иноуэ и поговорить с ним лично? Или же пригласить Клода Макдональда? Тот ведь тоже говорил, что русские могут вывернуться, и что Британия все равно не оставит своего союзника. Что же выбрать...

Глава 2

Смотрю на свое отражение, и удивительное дело. Бессонные ночи, постоянные нервы, выматывающие споры – кажется, что после такого обычный человек за месяц-другой должен превратиться в развалину. Ан нет! Есть что-то в войне такое, от чего кровь течет быстрее, а душа молодеет. Как там в одной песне было... Я улыбнулся, и взгляд скользнул на лежащие на столе листы бумаги.

Никаких карт, планов или приказов по корпусу – для всего этого был штаб. Домой же я позволял себе брать только невоенные дела. Например, вчера вечером захватил расшифровки первых полос газет из Европы и Штатов. Японцы же взяли с собой в наступление целые толпы журналистов, и вот те отрабатывали свое приключение.

Американцы сосредоточились на военной части. «Тактический гений Оямы навязал свою волю царским генералам», «Броневики или воздушная разведка – что станет главным оружием этой войны?», «Непобедимых не бывает: русская армия за три дня наступления не провела ни одной стратегической контратаки». Англичане неожиданно заинтересовались цифрами, встраивая тот или иной рекорд в каждую статью: «20000 солдат на километр фронта», «50000 снарядов на километр фронта», «2 тонны металла (и опять) на километр, и это только в виде колючей проволоки».

Французы как союзники не стали смаковать силу японского натиска и вместо этого обсуждали реакцию на него русского общества. То один журналист, то другой задавался вопросом, выдержит ли Россия и сможет ли в случае поражения исполнить свой союзнический долг и прикрыть Францию от Германии.

Неожиданно выделилась статья Клемансо, бывшего премьера Третьей Республики, который начал довольно часто писать, а по моим воспоминаниям и свою газету скоро организует. Этот рассуждал на тему того, что победа России для Франции будет даже опаснее поражения, потому что откроет двери для свободной экспансии на востоке и позволит проводить полностью независимую политику, лишив Францию возможности активно на нее влиять.

Отдельно лежал листочек с тезисами из Германии, где царило неожиданное единодушие. Россию поддержали все: от либералов вроде Вольфа, похвалившего поддержку корейского восстания, до консерваторов вроде Ревентлоу, восхищенного простотой и силой русского оружия. Да что они, я чуть не поперхнулся, когда увидел статью некой Клары Цеткин, хвалившей меня за возможности, которые получают женщины во 2-ом Сибирском.

В общем, было о чем подумать на перспективу, но я позволил себе лишние мысли только пока умывался. Как закончил вытираться, так заодно и вернулся к нашей операции. Вчера Буденный встретил обход 1-й армии Куроки, и теперь, когда все японские силы оказались введены в бой, нужно было ловить момент для контратаки. Когда враг выдохнется, но в то же время еще не успеет засесть в глухую оборону.

– Как у Семена дела? – спросил я у Лосьева, как только подошел к штабу.

Все-таки волнуюсь за него. Буденный – талант, но людей у него меньше, чем у противника, а техника... Мы все же никогда не пропускали ее через столь жесткие испытания. На том же Квантуне наступление было тяжелым, но прошло за один рывок. Да и отступить в случае чего было куда. У Семена же никакой второй линии!

А еще Буденный – это Буденный. В смысле он очень талантливый. Те же обходы во время сражения именно он первым ввел в дело. Смешно, но я со всем своим опытом из будущего пехоту маневрировать заставлял, а броневики – просто не подумал. Нет, на стратегическом уровне мы их и перебрасывали с фланга на фланг, и отвлекающие маневры проводили, но потом – дуром перли в лоб. А Семен, как только его допустили до учений, взял и устроил обход – я же говорю, талант. И в то же время он очень вспыльчив – может поддаться азарту, моменту...

– Прислали доклад пять минут назад, – выдернул меня из мыслей Лосьев. – 3-й Броневой закрепился у Йончона. Враг тоже окапывается, ночью даже ни одной вылазки не сделали.

– А мы?

– Семен Михайлович, как вы и приказали, работает от активной обороны. Если враг идет, отбивает и дает сдачи. Может сесть на хвост. Но сам вперед не лезет.

– Хорошо, – я немного выдохнул. – Тогда продолжаем подтягивать резервы на юг и... – я задумался. – Убедитесь, что нашу группировку на правом фланге у деревни Амсил заметили японские аэростаты.

Александр Александрович Хорунженков стоял, оперевшись на вздыбившийся броневой лист «Артура». Ночью они подтянули вперед последние выбитые японцами машины Дроздовского и закопали их в землю, превращая в стационарные огневые позиции. Все, больше никаких налетов, но хотя бы так они еще повоюют.

– Восьмой день наступления, – выдохнул Хорунженков. – Восемь дней вы со своей ротой продержались.

– Жалко броневики, – Дроздовский потер перевязанный лоб. – Столько врага побили, а в итоге не смогли их уберечь.

– Генерал говорит, что броневики – это просто оружие. Его всегда можно еще сделать, даже лучше, чем раньше. А самое главное – это люди. И твои солдаты после опыта таких боев каждый за десятерых пойдет.

Хорунженков замолчал, когда в лицо ударил резкий порыв ветра, захватив с собой горсть позавчерашних снежинок. Нового снега давно не было, и, несмотря на минус, большинство дорог в районе боевых действий начали раскисать. Легкие и средние броневики еще проедут, а вот тяжелые – разве что по скалистым выходам у самого моря.

– Слышал, – Дроздовский что-то поправил в прицеле пушки, – что наши резервы три дня держат у деревни Амсил?

– С учетом грязи, наверно, только там броневики и смогут показать себя, – поделился недавними мыслями Хорунженков.

– Не скажи, – заспорил Дроздовский. – Ты просто на самих броневиках не ездил, но, если умеешь, то грязь только кажется непроходимой. Главное, в колею не забираться! А если солдаты рядом есть и пара бревен, то можно и в пару ям рискнуть запрыгнуть – помогут, если что, выбраться.

– Думаешь, отвлекают японца? – понимающе усмехнулся Хорунженков.

– Я бы отвлекал. Нет, с одной стороны, все верно – у Амсила хорошее место для атаки, можно всю армию Оямы охватить. Но с другой, если японцы там подготовятся, то механизированный полк за ночь может пройти под сотню километров и ударить уже где ему удобно. Это сила! И ей нужно пользоваться.

– Две минуты до шести, – предупредил командиров поручик Тюрин.

В шесть японцы обычно начинали обстрел, а иногда даже сразу шли в атаку, словно надеясь на какую-то безумную удачу. Впрочем, чем дальше, тем более формальными получались и утренние канонады, и идущие между ними попытки прорыва. Вот только сегодня все было совсем по-другому.

– Смотри, аэростаты! – выдохнул Хорунженков.

– Наши аэростаты! – повторил за ним Дроздовский.

Уже неделю, с самого первого дня, когда враг уничтожил половину русских шаров, их поднимали только в тылу. А тут почти два десятка разом, и все на первой линии.

– Что же нам не сказали? – расстроился Дроздовский. – Мы бы хоть как-то попробовали их прикрыть.

– Хоть как-то не надо, – теперь уже Хорунженков объяснял товарищу, как принято работать во 2-м Сибирском. – Ты же помнишь, у Бильдерлинга шаров оставалось всего шесть. А тут двадцать! Значит, из тыла подтянули еще, от Макарова, а тот с ними, как пить дать, снайперов отправил. Те смогут тихо прикрыть издалека, а мы бы, коли вперед полезли, точно бы нашумели. Еще бы выдали раньше времени. Нет, для каждого свое дело, и это правильно.

Дроздовский кивнул, и дальше они уже молча следили за тем, как русские аэростаты, раскрашенные в грязный серый цвет, поднимаются все выше.

– Удивительно, словно растворились на фоне неба, – присвистнул Хорунженков.

Впрочем, очень быстро ему стало не до веселья. Японцы сначала пустили вперед группы с ракетами – и их действительно встретили снайперы. Однако после этого враг ответил уже всерьез. Свои шары и сотни пушек, часть которых начала покрывать разрывами небеса. Шансы так попасть не очень высоки, но удача была на стороне японцев. Всего за десять минут они поразили два аэростата, потом еще три.

– Да что же это творится! – выругался Дроздовский.

– Война. Тут чистеньким не победить, – настроение у Хорунженкова тоже испортилось. Еще один русский аэростат засвистел, выпуская воздух и опускаясь на землю.

– Ну, почему наши даже не пытаются ответить?! – поручик Тюрин тоже не выдержал. – Они по нам стреляют, а мы только терпим! Зачем?

– Значит, надо... – взял себя в руки Хорунженков. – Если бы тут только старые шары были, все возможно... Но если новые, если 2-й Сибирский подошел, то генерал Макаров просто так людей губить не станет.

– А может? – вспыхнул Дроздовский. – Враг же все это время для своего наступления дороги чистил! И сверху их прекрасно видно!

– На холм! – сразу среагировал Хорунженков и на полной скорости метнулся к наблюдательной позиции, которую они оборудовали на соседней сопке.

Броневики как раз и закапывали, чтобы ударить во фланг японцам, когда те пойдут ее брать. Но сейчас, кажется, им будет не до того. Пять минут бега! Несмотря на желание поскорее все увидеть, ни Хорунженков, ни Дроздовский ни разу не показались в прямой видимости японских позиций. Все обошли под землей, а там, где не получилось – ползком. Грязь не кровь, особенно если кровь своя, ее не сложно отмыть.

– Видишь чего? – Дроздовский закрутил головой.

– Нет, – Хорунженков, хоть и был почти в два раза старше, от него не отставал.

Все те же замершие под утро позиции. Солдаты, орудия – всё спряталось, всё ждет своего часа. И тут до слуха Хорунженкова долетел такой знакомый гул.

– Земля трясется, – выдохнул он.

Больше никто ничего говорил. И оба офицера, и все солдаты на позициях, с которых открывался вид на деревню Сегук – все уставились на запад, и вот из утреннего тумана выскочили первые броневики. Тяжелые машины с усиленной броней ползли в шахматном порядке на расстоянии примерно тридцать метров друг от друга. Дроздовский оказался прав: взлетевшие утром шары передали координаты расчищенных японцами дорог, и стальные гиганты нацелились именно на них.

– Красиво, – выдохнул Тюрин.

– Расстреляют же, – сжал кулаки Дроздовский.

Хорунженков в глубине души был согласен с Михаилом Гордеевичем: слишком много артиллерии было у японцев, слишком быстро и хорошо они могли наводить ее с помощью висящих на высоте шаров. Вот только... С неожиданным свистом из броневиков начали вылетать в воздух ракеты, а потом быстро расплзаться во все стороны серыми облаками. Словно зонтик, который всего за пару минут скрыл от японских аэростатов несколько квадратных километров как раз на направлении удара.

Еще пять минут, и серые облака спрятали тяжелые броневики и от наблюдателей на земле.

– И что дальше? – растерянно посмотрел на остальных Тюрин.

– Теперь дойдут до японцев. Точно дойдут, – быстро закивал Дроздовский.

– А те как раз свою артиллерию поближе подтянули, – неожиданно осознал Хорунженков.

– Получается, наши шары сразу на две задачи работали! И разведка, и выманивание врага!

Он искренне болел за своих, но в глубине души все-таки жалел, что не может лично принять участие в этой атаке. Увы, за эти дни все стационарные линии связи были давно уничтожены, а передавать им что-то по воздуху, когда сигнал могли перехватить японцы, никто бы не стал... С другой стороны, со своей задачей они справились, а теперь справятся и остальные.

Хорунженков успел разглядеть специальные метки на броневиках – в атаку шел 1-й броневой полк Славского. А уж бывший поручик, первым возглавивший всю технику 2-го Сибирского, точно не подведет. Они же... Просто будут за них молиться. Работайте, братья!

Снова карта, снова бесконечная череда донесений и приказов, снова бессонные ночи. 26 января 1905 года мы начали большое наступление от деревни Амсил до самого Йончона. Больше пятидесяти километров линии фронта, больше тысячи броневых машин с обеих сторон – все впервые в мире... Впрочем, классика механизированного наступления всегда одна и та же.

Сначала идет подготовка. Работает артиллерия, саперы расчищают будущие пути прохода – все это может занимать от пары часов, как во время Курского сражения, до двух суток, как во время Берлинской операции. В нашем случае обеспечить преимущество в артиллерии мы не могли, но хотя бы пути расчистили и постарались сделать так, чтобы второй этап смог компенсировать слабости первого.

А второй – это прорыв линии обороны. Для этого в бой идет тяжелая техника – не стеной, а растягивая силы врага и под прикрытием. Благодаря самой мощной броне эти машины могут держать удар. А крупные калибры позволяют и самим огрызаться, тем более мы с десяти броневику сняли башни и поставили не 47-миллиметровые огрызки, а полноценные 76-миллиметровые пушки. Пытались и больше, но с 87 миллиметрами Круппа и тем более с 120 миллиметрами Канэ броневики уже не могли держать отдачу, так что пришлось остановиться.

Еще были мысли про огнеметы – для прорыва очень быгодились – но стоило только закинуть удочки, и столько подводных камней вылезло, что я сразу остановился и отложил на будущее. Ничего, следующего врага уже удивим, благо их на наш век точно хватит. Да и с поражением закрытых позиций пока хорошо справлялись штурмовые отряды. Они шли метрах в трехстах позади броневику прорыва, прикрываясь щитами и поддерживая технику из минометов. Очень хорошая комбинация получилась для средней и ближней дистанции: броня, минометы и гранаты.

В общем, девять рывков под прикрытием дымов и подтянувшейся, пока все заняты, артиллерией, и позиции японцев начали трещать. А значит, вот и третий этап – развитие прорыва. На этот раз вперед пошли уже все средние броневики, причем их задача не вгрызаться в еще отстреливающиеся японские укрепления, а катить дальше. Пока каждая сторона постоянно подводит резервы, можно очень долго перетягивать канат. А, прорываясь в тыл, мы разом лишали их такой возможности.

По плану мы могли задержаться на втором этапе даже на пару дней, но не понадобилось. Японцы оказались просто не готовы к последовательному и грамотному натиску. Да, выбили нам процентов восемьдесят тяжелых машин, но дорогу мы открыли, и к вечеру один за другим полетели доклады. Броневики с пушками громили штабы, линии подвоза, коммуникации; броневики с пехотой подвозили солдат на ключевые позиции вроде мостов или перекрестков, не просто разрушая чужие линии управления боем, а создавая свои.

Если все пойдет и дальше тем же темпом, то завтра перейдем к четвертому этапу – зачистке. Но это задача для резервов из самых свежих полков, а опытные продолжают давление. Прорыв Славского по центру соединится с прорывом Буденного и свежими броневиками Врангеля. Если все получится, то мы загоним в котел около половины японской армии, а другая, собравшаяся отражать нас у деревни Амсил, окажется прижата к побережью.

Но это все завтра...

Вильгельм II уже почти собрался отходить ко сну, когда к нему со срочным докладом ворвался Альфред фон Шлиффен. Уже старый, с вечно усталым лицом – многие считали, что он не справляется с должностью начальника Генерального штаба, но сам кайзер очень ценил пожилого генерала прежде всего за то, что он умел думать не только о войне, но и об экономике, без которой та просто невозможна.

Полгода назад он как раз представил первые наброски своего «Плана закрывающейся двери» – удар по Франции в обход ее основных линий укреплений, завершение первого этапа войны за 39 дней, а потом разворот на восток против России. Как раз за разом доказывал Шлиффен, при текущем европейском и мировом разделении труда более длительная война в принципе невозможна, и нужно рисковать, ставить все на один удар.

И вот 1904-й год принес кайзеру настоящий подарок судьбы... Россия застряла на востоке, ввязавшись в ненужную ей войну, Англия давно не держала на континенте достаточного количества войск, которые могли бы хоть на что-то повлиять, и в случае неожиданного удара Франция бы оставалась одна против Германии – нужно было просто решиться.

Тем не менее, Вильгельм не стал спешить и оказался полностью прав. Во-первых, война затянулась, закрутив в свой водоворот еще больше сил и денег. Во-вторых, Россия оказалась гораздо сильнее, чем он думал... Чем все вокруг думали! Проиграв на море, она настолько ярко и без шансов разгромила Японию на суше, что выходить на поле боя против такой машины не хотелось никому. Точно не своими руками. А вот ослабить – это да.

Именно поэтому Англия и Северо-Американские Штаты насытили Японию таким количеством орудий и техники, что удивительно, как этот остров не затонул. Самоубийца-император отдал приказ о новой атаке на русских, и весь мир замер в ожидании чуда. Некоторые, особенно после первых статей с японской стороны, даже поверили, что прошлые победы царской армии – это случайность. Но сам кайзер снова ждал, и вот.

– Новости из Кореи, – выдохнул Шлиффен, бросив на стол расшифровку. – Японские корреспонденты молчат, но молодой фон Винклер, что прикреплен к штабу русской армии, сумел договориться, чтобы ему выделили время у телеграфа.

– Главное? – буркнул Вильгельм, уже понимая, что поспать сегодня не получится.

– Русские сделали вид, что собираются атаковать в одном месте, но ночью перекинули броневики и прорвали фронт в другом. Не меньше 80 тысяч японцев отрезаны от тылов и собираются в мешок 2-м Сибирским, пока Бильдерлинг блокирует остальные силы Оямы. Впрочем, японцы сейчас настолько растеряны, что даже будь у них пространство для маневра, вряд ли бы они осилили прорыв и смогли кого-то спасти.

– Сколько русским потребуется времени, чтобы довести дело до конца?

– Недели две, но это Макаров... Он может успеть и быстрее.

– Чего нам ждать?

– От Японии – мира, от Англии и Штатов – войны. Они не стерпят такого провала.

– И что будут делать?

– Много вариантов, но я бы ожидал реакции еще до того, как русские до конца разберутся с японцами. С другой стороны, подтянуть войска и корабли дело не быстрое...

– А если только корабли?

– Тогда... – Шлиффен кивнул, оценивая новый вариант. – Все равно понадобится пара месяцев, да и погода. Январь не очень способствует долгим морским переходам.

Вильгельм замолчал, обдумывая ситуацию. С одной стороны, условия для удара по Франции стали еще благоприятнее, собственно, для этого Шлиффен и пришел. Вот только опять – стоит ли? Не получит ли Германия больше, выждав еще немного? Или вообще... Казйер задумался о том, что съедало его изнутри с того самого доклада Людендорфа об испытании броневиков в Санкт-Петербурге.

Тогда это была наивная надежда, но с каждым днем она все больше обретала плоть. Новая, на самом деле сильная Россия, которая не будет завесить от мнения Парижа и Лондона. С такой можно будет заключить и честный союз: не игры в интересы, в которых все погрязли со времен смерти Николая Павловича, а две великие державы, которые вместе смогут создать новый мир. Свой мир.

– Если Россия сможет выдержать первый удар, то мы... – Вильгельм понимал, что еще очень многое нужно будет согласовать, но главное решение он уже принял.

Глава 3

Вздыхаю, глядя на горы железа, выросшие рядом с мастерскими и закрывшие половину обзора из окон моего штаба.

Когда мы начинали операцию, во 2-ом Сибирском было триста тридцать броневигов первой и второй линии, еще отдельно сто сорок машин поддержки для подвоза бензина, вывоза подбитой или вставшей техники. И им пришлось поработать чуть ли не больше, чем всем остальным.

Сколько сейчас держит новейший мотор во время больших операций и постоянных сражений, когда времени на полноценное обслуживание просто нет? Триста километров – потом по мелочи то один, то другой узел начинали сыпаться. К счастью, у нас были запасы, что-то в процессе снимали с поврежденных броневигов, но всего за двое суток активных боев количество машин в строю сократилось в два раза.

Грустно, но именно это помогло мне примириться с тем, что японцы, стоило нам надавить, идеально повторили главный маневр, показанный им генералом Куропаткиным в начале этой войны – быстрое и своевременное отступление. Когда мы прорвали центр и левый фланг Корейской дуги, казалось, что все кончено, но Ояма даже не попробовал зацепиться за текущие позиции, не сделал и попытки спасти 1-ю армию Куроки, а сразу начал отход к Сеулу.

В итоге Славскому просто не хватило времени, чтобы закрепиться и перерезать им пути отступления. Японцы двигались компактно, активно использовали разведку, тяжелую артиллерию загрузили на корабли, а легкую взяли для прикрытия. Вот серьезно, если бы я оказался на их месте, сам бы не сумел сделать лучше. Нет – можно было бы пойти наперекор здравому смыслу и бросить все силы на перехват, но... Умылись бы кровью, а главное, показали бы свою слабость.

Три дня – наш максимум механизированного наступления при текущем наполнении броневых и ремонтных рот, и пусть этот предел будет известен только нам самим. В общем, пришлось отпускать остатки японцев, зато, сдержавшись, мы смогли добиться других не менее важных целей. Бросили все силы на завершение охвата 1-й армии Куроки, и теперь каждый день летели десятки радиотелеграмм об очередном отряде, бросившем оружие.

– Восемнадцать тысяч уже сдались... – продолжал свой доклад Лосьев. – Мы оставили в резерве только два бронепоезда, все остальные составы пустили на то, чтобы побыстрее их развезти. Половина на стройки Инкоу – теперь-то получится вернуться к прежним темпам. Половина в Ляоян – надо ускорять развитие местных шахт.

Все остальные кивали, слушая штабиста. Возможно, в начале войны половина из этих же офицеров начали бы спорить, зачем им все это знать. А сейчас каждый прекрасно понимает, что экономика – это кровь войны. Работающие мастерские на передовой, заводы Инкоу и Центральной России – все это основа для оружия и техники, без которой любая победа потребует не умения, а крови. Дикость.

Я обвел взглядом тех, кто помогал мне с ней бороться, кто стал сердцем 2-го Сибирского, без кого мы не стояли бы здесь и сейчас. Степан Сергеевич Шереметев – командир 1-й штурмовой дивизии, именно его солдаты вместе с броневидами брали японские укрепления. Павел Анастасович Мелехов – 2-я дивизия, те, кто первыми принимали удар врага и выматывали его, лишая сил. Платон Львович Афанасьев – бог нашей артиллерии. Все наши бронепоезда, все закопанные в землю орудия – это его вотчина. И пусть нам редко удавалось оказаться впереди врага по количеству пушек, он все равно раз за разом умудрялся прикрывать своих.

Я невольно улыбнулся, глядя на этих людей – герои. Впрочем, тут других и не может быть. Чуть левее отдельной группой стояли командиры наших механизированных соединений. Славский, Буденный, Врангель и держащийся рядом Деникин. Последний, правда, командовал

кавалерией, которой все сложнее было найти место на поле боя, но Антон Иванович не подвел. Взял на себя дальние дозоры, а еще спокойно предложил помощь Мелехову, и все запасные кони были отправлены в тыловые службы. Почти как во Вторую Мировую – грузовиков не хватало, и лошади тянули лямку за себя и за того Ваську.

Потом разведка. Старший в этой компании – Глеб Михайлович Ванновский, рядом с ним Корнилов – армейская разведка, Огинский – контрразведка. Тут я невольно вздохнул, вспомнив, как дополняли эту троицу мои японцы, но, увы, Казуэ с Сайго сейчас в Японии и именно там приносят больше всего пользы. Ну да у меня и без них хороших офицеров хватает – взгляд скользнул дальше. Старший по саперам – Галицкий, по воздуху – Кованько.

Следующая группа – нестроевые части. Связисты Городов и Чернов, рядом главный по музыке капельмейстер Доронин, от медицины доктор Слащев и княжна Гагарина... Моя Татьяна! Самая красивая девушка и одновременно очень талантливый организатор, сумевшая воплотить в жизнь все, что я вспомнил по полевой медицине и тому, как ее правильно организовать на переднем краю.

– Господа и дамы, – я тряхнул головой и обвел всех взглядом, – я собрал сегодня вас всех, чтобы рассказать самое главное о том, что нас будет ждать в ближайшее время.

– Вячеслав Григорьевич, простите, опоздали! – в штаб заглянули Хорунженков с Дроздовским.

Эти двое, лишившись связи, на какое-то время потерялись из виду, но бродящие среди солдат Штакельберга легенды о том, как их небольшой отряд срезал атаки японцев, заставляли меня верить, что все это временно.

– Проходите, – я улыбнулся.

– Мы сначала броневики везли на ремонт, потом раненых проверяли, и только потом нас нагнали новости о том, что вы всех собираете, – объяснил опоздание Хорунженков.

– Я тоже подзадержался, – за их спинами показался генерал Кондратенко. – Ваше приглашение я получил вовремя, но сейчас железные дороги из Инкоу сюда просто забиты составами. Пришлось даже пересаживаться и верхом проехать, чтобы успеть вовремя.

– И вы справились, – я кивнул. – Теперь мы совсем уже в полном составе, и я могу сказать главное.

– Снова переговоры? – подал грустный голос Буденный.

– Войны больше не будет? – это Деникин, тоже без какого-либо энтузиазма.

– Начну сначала, – я усмехнулся. – Час назад у меня была прямая телеграфная связь с Санкт-Петербургом, и Николай Александрович повысил меня в звании...

– До генералиссимуса? – пошутил Огинский.

– Пониже.

– До генерала-фельдмаршала? Вам пойдет корона на эполетах, ваше высокопревосходительство, – в тон всем улыбнулась Гагарина. Ей было неловко, одной девушке среди стольких мужчин, но она хорошо держалась.

– Вы заставляете меня смущаться, что я не сумел оправдать ваши ожидания, – я пошутил в ответ. – К счастью, хотя бы с обращением вы угадали.

– Значит, остаются генералы от инфантерии, кавалерии и артиллерии, – задумался Шереметев. – Вам бы подошло все сразу, но так не положено. Значит, от инфантерии?

– Николай Александрович решил, что новое время диктует новые вызовы, поэтому армия заслужила и новое звание. Перед вами первый броневой генерал Русской императорской армии, – моя улыбка стала еще шире. – Одновременно с этим 2-й Сибирский корпус расширяется до 2-й Сибирской армии, и позвольте поздравить первых генералов, которые попадают мне под руку. Степан Сергеевич, Павел Анастасович, Роман Исидорович.

Мелехов растерялся, а потом даже слезу пустил от неожиданности.

– Не думал... Уже в возрасте же... И академий никаких не кончал...

– Не сомневайтесь, Павел Анастасович, иной раз жизнь учит нас похлеще любых университетов. А будет мир, уверен, вы еще успеете добавить к своему опыту немного теории.

– Просто спасибо, – Шереметев не стал чиниться. Подошел и крепко меня обнял. – Знаю, что в моменты царской милости все вылетает из головы, а вы про нас вспомнили. Можете всегда на меня рассчитывать.

– А я... – Кондратенко потер лоб. – Когда вы говорили, что получите армию и позовете меня к себе – думал, шутите. А вот – прошло два месяца, и все случилось именно так, как вы и обещали. Знаете, я, пожалуй, дам слово, что больше не буду в вас сомневаться.

Я крепко пожал руку каждому генералу, а потом прошелся по остальным повышениям. Сам бы я выдал золотые погоны еще и Ванновскому с Афанасьевым, но Николай хоть и был рад, что мы смогли так быстро остановить тысячи японских броневиков, фотографии которых как раз начали заполнять европейские газеты, но в лучших традициях хороших начальников выделил только половину того, что у него просили.

– И что дальше? – когда все немного успокоились, доктор Слащев вернулся к вопросу, с которого все началось. – Если вы говорили с царем, то точно знаете...

– Япония признает поражение, император выводит войска, детали уже сегодня вечером Витте будет обсуждать прямо в Токио. На этот раз никто не позволит врагу тянуть время. Тем не менее, рассчитывать на мир я бы не стал.

Закончив говорить, я бросил на стол расшифровки вышедших сегодня газет: английские, французские, германские и американские. Очень интересный способ понять, а чем живет каждая из столиц. В части газет попроще еще печатали вчерашние новости об уверенном наступлении Оямы и восхищались фотографиями сотен броневиков. А вот основные издания уже добрались до сенсации и начали активно ее пережевывать.

– Серьезно? Они так пишут? – Буденный выхватил распечатку «Таймс» и потряс возмущившим его заголовком. – Японская атака в Корее сбила русские планы. Уверенный натиск, уверенный отход на готовые позиции. Как стратегия современной войны ставит в тупик русского медведя?.. Неужели кто-то может поверить, что попытка отчаянного навала, из-за которого японцы потеряли половину армии – это победа?

– Верить или нет – это решение каждого, а написать можно что угодно, – я пожал плечами. – Тут важно другое.

– Англия готова признать текущее состояние дел победой Японии, а раз она не проиграла, то и джентльменам лезть на рожон нет смысла, – понял Ванновский.

– Точно, – кивнул я. – Это, конечно, не самый верный способ предсказывать будущее, но сейчас Лондон точно старается увильнуть от необходимости лично лезть в войну с нами.

– Франция и... Германия? – Огинский искренне удивился, увидев, что позиция двух давних соперников совпала. – Эти прямо пишут о нашей победе и о том, как усиление России повлияет на расклад сил в Европе и борьбе за колонии. При этом и те, и другие приветствуют ослабление Англии и Северо-Американских Штатов.

– А сами Штаты пишут... – Огинский замер. – Тут очень много самых разных позиций. И самые безумные обсуждения. От вопросов, что делать их компаниям, когда мы выкинем их из Китая, до того, что нужно бы потребовать от России компенсацию за те финансовые потери, что американские банки понесли и понесут из-за этой войны.

– Я работал в Японии, – напомнил Ванновский, – и могу кое-что добавить. Если на начальном этапе войны большинство кредитов шло из Англии, и все они были обеспечены местной землей, производствами или ресурсами, то потом... Почти все новые кредиты были даны американцами, и после поражения японцев у них просто не будет возможности их отбить. Все ценное уже поделено, а всего остального – даже если выжать из островов все до капли – не хватит и на выплату процентов.

Я кивнул: в мое время оценка японских кредитов была примерно такой же.

– Получается, американские банкиры будут за продолжение войны? Но что они смогут сделать? – удивился Шереметев. – Мы здесь, а они за океаном. Да, Вашингтон недавно захватил Гуам и Филиппины, но у них только 2 броненосца в этой части океана. А уже скоро сюда придет эскадра Рождественского, и это скорее мы сможем диктовать им условия.

Слова моего генерала и князя Шереметева звучали очень разумно и логично, вот только я в отличие от него мог опираться не только на опыт 19 века. Что я знаю точно? Что деньги Америке должны не только японцы, и это поможет втянуть в войну тех, кто может и хотел бы остаться в стороне. Дальше Теодор Рузвельт. В мое время больше знают Франклина, милого дедушку, при котором США справедливо выступили на стороне Советского Союза. Вот только Рузвельт 40-х и кузен его отца из начала 20 века – это два разных человека с совершенно разными интересами.

Взять только программу Теодора-младшего – а я ведь специально копался в американских газетах, пытаюсь понять, чего ждать от подрастающего по ту сторону Тихого океана хищника. Так, на недавних президентских выборах Рузвельт наголову разгромил оппонента, пытающегося предложить не лезть в чужие дела и сосредоточиться хотя бы только на своем полушарии. Его же собственная формула, которая устроила большинство американцев – это жесткая вертикаль власти, активная военная экспансия и за счет этого небольшие поблажки рабочему классу...

Ну, а чем это могло грозить нам – лично у меня сомнений не вызывало.

– Если флот сможет нас прикрыть – хорошо, – я вздохнул, показывая, что на самом деле в это не верю. – Тем не менее, наша задача – обеспечить военную поддержку освоения новых территорий на земле. Остальные части будут выведены обратно, мы же доберем местных и добровольцев до штата и будем готовиться прикрывать Маньчжурию и Корею от возможных атак. Статус территорий еще обсуждается, но то, что они стали частью империи, уже не изменить.

– Останемся тут одни?

– Точно.

– А кто будет гражданским губернатором?

– Петр Аркадьевич Столыпин, – я улыбнулся.

Помня, какие реформы этот человек продвигал в мое время, я был уверен, что мы обязательно сможем договориться.

– А что именно мы будем делать, пока ждем нападения? – снова подала голос Гагарина.

– Например, у нас – пара месяцев, и раненые встанут на ноги. И что дальше?

– Общие планы у нас простые, – немного соврал я. – Медицину загрузят гражданские – тут можете не волноваться. А все остальные будут копировать опыт Первой Римской Республики: изучать все, что у нас выходит недостаточно хорошо, и дорабатывать!

– А при чем тут Рим? – удивился Мелехов. – Какой у них опыт, что мог бы пригодиться сейчас?

– Самое прогрессивное использование рабского труда, – хмыкнул Шереметев, первым догадавшись, о чем я. – Они ходили на войны, приводили с них рабов и за их счет разгоняли экономику. У нас так же: 18 тысяч уже сдались, а будет еще раза в три больше!

– Но пленные японцы же не рабы! – возмутилась Татьяна.

– Формально нет, а по сути... – ответил я. – Мы ведь с их помощью решаем самую главную проблему, которая стопорит сейчас не только Санкт-Петербург, но и Лондон с Парижем и Берлином. Нехватка рабочих рук! Всем приходится ждать, пока идет процесс разорения деревни. Старая жизнь рушится, люди бегут в город, и на этом тонком ручейке держатся все наши и не наши заводы. А здесь мы разом получили целую прорву возможных рабочих, и теперь так просто их обратно не вернем.

– Силой удержите? – нахмурился Лосьев, в котором неожиданно проснулся юношеский максимализм.

– Это вызвало бы слишком много противодействия, – я покачал головой. – В нашем случае гораздо проще предложить пленникам честную сделку. Три года работы на заводе, шахте или стройке за нормальные деньги, а потом возможность выкупить себе квартиру в городе или же землю за его пределами. То, что они никогда не получают у себя в Японии... Так что, хочется верить, когда придет время обмена всех на всех, большая часть тех, кого мы сейчас увозим в Ляоян и Инкоу, сами решат остаться у нас.

– Ну, тогда это не рабство.

– Или рабство и военная хитрость, – я не стал смягчать ситуацию. Да, жалеть людей – это неплохо, но жалеть врага – это все-таки другое.

– Подождите, – Огинский вспомнил о еще одной важной вещи. – Но как мы им будем давать землю? Квартиры и рабочие места – ладно. Деньги есть, дома строятся, но земля... Она же царская, и вряд ли Столыпин, о котором вы говорили, будет готов так просто ее раздавать.

– Вообще, именно раздавать землю в личное пользование он и хотел. По крайней мере, у себя в Саратове, – я подстроил знание из своего времени под местные реалии.

– Все-таки подобное лучше согласовать с ним заранее.

– А если нет, – я решительно закрыл вопрос, – сам выкуплю землю и сам выдам. Обмануть никого не позволим, но эти тысячи рабочих рук нам нужны кровь из носу.

Я несколько секунд внимательно всех оглядывал, а потом, убедившись, что никто не спорит, перешел к следующему не менее важному вопросу. Тому, а что именно мы будем строить, развивать и улучшать, пользуясь этой небольшой паузой и огромными возможностями, что нам так удачно достались.

Татьяна Гагарина вышла из дома, где Макаров обустроил свой штаб, только под вечер. Рядом горели фонари мастерской, где, несмотря на время суток, продолжали стучать молотки и зубила. В низине, чуть южнее, шумело людское море: солдаты радовались победе, солдаты праздновали, солдаты собирались домой. Ветер короткими рывками порой доносил оттуда обрывки чужих разговоров, и Татьяна невольно слушала, а что же волнует простых людей.

– Дома жена, наверно, уже забыла, как выгляжу.

– Ничего, приедешь – сразу вспомнит. Самый видный мужик будешь на селе.

– А я не поеду домой. Наоборот, жену выпишу, чтобы сюда прислали.

– В смысле, выпишешь?

– Через телеграф. Генерал Макаров объявил, что можно послать сообщение в те города, куда были отправлены ветераны из 2-го Сибирского. Они помогут собраться семьям, купить билеты на поезд и приехать сюда.

– Ну, если генерал Макаров обещает, то так и будет.

– Подожди! – удивился новый голос. – А зачем семью-то сюда везти?

– Так ты посмотри, какая тут земля. А генерал обещал по 45 десятин на каждого члена семьи. А у меня жена приедет, старший сын, и тут мы без дела сидеть не станем. Смекаешь, какой у меня будет надел уже через 10 лет?

– Если будет. А ну как японцы обратно придут? Или китайцы? Или еще кто, завистников-то хватает.

– Так 2-й Сибирский тут стоит, пусть приходят.

– А местные... Я же слышал, что эти земли нам не навсегда отдали, а только в аренду. Закончится она, и что, снова все терять?

– Аренда раньше была. Сейчас царь, говорят, навсегда Маньчжурию для России забрал. И кто нам что скажет? Бояре местные побоятся, а простые люди – так они нормальные и уже поняли, что с нами жить оно гораздо лучше, чем без нас.

– Храбрый ты... И вроде все правильно говоришь, а все равно решиться на такое сложно.

– Ну, ты сам смотри. А я пуль не боялся, броневых машин вражеских – тоже, так чего теперь трусить земли, когда ее предлагают?..

В этот момент ветер изменился, и продолжения разговора Татьяна уже не услышала. Не передумает ли тот храбрый солдат, решатся ли остаться с ним его товарищи – было совершенно непонятно. Но само то, что такие мысли начали бродить у простых людей, казалось девушке очень важным. И ведь это не макаровцы даже, просто те, кто смотрел на них в бою и мечтал о том же... А на что окажутся способны те, кто лично прошел через 2-й Сибирский?

Татьяна представила, какой уже скоро может стать Россия, и улыбнулась.

Глава 4

Большая война закончилась, в газетах писали, что Япония каждый день вывозит по десять тысяч солдат обратно на материк, а дел почему-то меньше не стало. Семен усмехнулся, проверил еще раз подготовленные за ночь записки и уверенно заглянул в помещение штаба. Позавчера они собрались полным составом, генерал рассказал новости и дал каждому задание продумать, что хуже всего работало во время войны, что лучше, и как первого сделать поменьше, а второго побольше.

– Проходите... – стоящий у входа Дроздовский посторонился, пропуская Буденного поближе к столу.

До назначенного Макаровым времени оставалось еще двадцать минут – они пришли заранее – и вот все броневые командиры поглядывали друг на друга, словно сомневаясь, подождать или прямо сейчас узнать, кто и что придумал.

– А это правда, что вы с двадцатью броневиками подбили почти сорок вражеских, и это не считая орудий? – Буденный первым не выдержал и повернулся к Дроздовскому, которому немного завидовал.

– Вы же знаете наставление по расчету секторов обстрела? – спокойно отозвался тот. – Так вот мы делали примерно то же самое, но для врага. Искали мертвый сектор и врывались туда. На месте доезжали до точки, откуда можно было достать японцев, там до пяти минут на то, чтобы кого-то зацепить, и назад. Каждый этап рассчитан заранее, от нас требовалось просто сделать то, что должны, не больше и не меньше. Сплошная математика.

– Удивительно. Никогда не смотрел на управление броневиками именно так.

– А вы другой, – ответил Дроздовский. – Я вот, если честно, пытался рассчитать вашу атаку на Йончон по-своему, и не вышло. Я бы работал от укреплений, сериями небольших атак, растянув дело дня на три. А вы справились за сутки, полностью сломив атакующий потенциал 1-й армии. Навалились, подавили, и, что интересно, потери в итоге даже меньше, чем если бы кто-то на вашем месте действовал осторожно.

– Удача? – спросил Буденный.

– Чутье. У вас настоящее чутье. Как и у генерала, который послал вперед именно ваш броневой полк.

На лице Буденного тут же поселилась широкая улыбка. Он гордо посмотрел на Врангеля и подмигнул, напоминая об их споре. Увы, говорить о том, что кто-то из них уже сейчас обошел Славского, пока было рано. Все-таки устроенный тем прорыв основной линии укреплений – это нечто.

– Николай Львович, – Буденный повернулся к Славскому, – а расскажите про те новые броневики с большими пушками? А то нам их пока не хватило, но очень интересно.

– Генерал называет их даже не броневики, а САУ – самоходные артиллерийские установки. Из сложностей: нужно учитывать сильную отдачу...

– А разве в 76-миллиметровых пушках не стоят противооткатные устройства? – тут же уточнил Врангель.

– Стоят. Ствол после выстрела откатывается в люльке, а потом возвращается на место под действием сжатого воздуха и масла. И если бы не эта система, то и о такой относительно небольшой пушке на «Артуре» не могло идти и речи.

– А какая масса толчка, если без тормоза?

– Около 2-3 тонн, и это с каждого выстрела.

Все собравшиеся дружно присвистнули, оглянулись и так же дружно расхохотались. А потом Славский вернулся к рассказу.

– Так вот, несмотря на устройства, об откате нужно помнить. Не стрелять без устойчивой поверхности под колесами, не давать нагрузку под углом. А учитывая, что по горизонтали мы наводим ствол САУ, поворачивая весь корпус, командиру броневика нужно заранее примечать и выбирать точки, откуда он будет вести огонь.

– А дымы, которыми вы прикрывались? – уточнил Дроздовский. – Скоро их смогут поставить на все машины?

– Я слышал, что есть проблемы с химиками, – погрузился Славский. – А еще сами механизмы подачи. Они же похожи на минометы, но снаряд загружается не сверху, а сбоку. Нужно учесть, чтобы при выстреле газы не вырвались внутрь машины, и пока с этим тоже не до конца разобрались. На мои-то машины пришлось ставить, потому что выбора не было. А вот всем – придется еще подождать.

– Кто-то погиб? – понял несказанное Врангель.

– Экипаж капитана Оленова. Из-за обстрела повредилась внешняя часть трубы, снаряд в итоге не вылетел, броневик начало заполнять дымом изнутри... Они выскочили наружу, но японцы сыпали по нашим передовым машинам всем чем могли. Без брони там выжить было просто невозможно.

– Мы будем помнить о них, и эта смерть сделает нас сильнее, – нахмурился Дроздовский.

И настроение вроде бы не испортилось – все знали, что на войне без потерь не бывает – но настрой разом стал суше и серьезнее. А там как раз и Макаров зашел.

– Вы помните, для чего я вас сегодня собрал? – обвел он всех взглядом.

– Чтобы мы поделились мыслями о том, как сделать наши броневики лучше, – ответил Буденный и...

– Вы не на том делаете акцент, Семен Михайлович, – на лице Макарова мелькнула тень. – И это не потому, что ваши идеи неправильные или несвоевременные – нет! Дело в том, что у нас просто не хватит ресурсов, чтобы реализовать каждую придумку, что придет вам или мне в голову, поэтому... Я собрал вас ради того, чтобы вы обменялись опытом как командиры. Обсудили успехи каждого, ошибки, написали новую улучшенную тактику применения броневиков, уставы и...

Макаров остановился и ткнул пальцем во Врангеля. Нервно, но Петр Николаевич уже привык к тому, как генерал вел подобные разборы.

– И потом нам нужно представить, что враг направит против нас броневики или любые другие силы с учетом как раз этой новой тактики. И придумать еще одну, чтобы всегда быть на шаг впереди.

– Потом? – Макаров посмотрел на Буденного.

– Потом идем отрабатывать все это на полигонах, подстраиваем фантазии под реалии на земле. Вот только, Вячеслав Григорьевич, мы ведь и так в бою все запасы моторов пожгли. На чем тренироваться-то? Если продолжим как раньше, то через неделю-другую можем вообще без броневиков остаться.

– А японцы вам на что? – просто ответил Макаров. – Сами машины у них, конечно, вызывают вопросы, но это вовсе не значит, что вы не сможете снять с них моторы или еще какие узлы, которых у нас не хватает. Кстати, Павел Анастасович уже подбил первые итоги: предварительно две сотни броневиков с неповрежденной ходовой у нас уже есть. Так что будет вам на чем тренироваться.

– Спасибо, – Буденный расплылся в улыбке, а Макаров задумался.

– Насчет техники... Может, я и погорячился, что совсем ничего из ваших идей нельзя будет взять. Давайте все вместе – выберите одно направление, которого вам больше всего не хватало, и я попробую именно там следующие машины больше всего потянуть. Минуту. Что первым приходит в голову?

Буденный сначала растерялся от такого неожиданного вопроса, но потом ответ появился словно сам собой. Это же было так очевидно.

– Связь, – выпалил он, и все остальные командиры броневиков с ним согласились.

– Связь? – удивился Макаров. – Но разве она у нас не лучше всего, что есть у врагов?

– Вы же хотели, чтобы мы подумали наперед, – ответил Славский. – Так именно связи нам и не хватает, чтобы получить возможность управлять полем боя и подстраиваться под врага. Сейчас ведь как – у нас есть усилители, мы можем пробиваться через помехи врага, но... Если вперед идет отделение, командир может держать связь с той парой броневиков, что у него в подчинении. Взвод – как повезет. Если же дело доходит хотя бы до роты, то я вот могу рассчитывать, что добыю до командирской машины, и все. Когда канал занят, остальным остается только ждать, ну или обходиться фонариками и флагами, как в самом начале войны.

– Понял, – Макаров задумчиво кивнул. – Исправим. Тут можно будет поставить два вида усилителей или же... Мы со связистами как раз одну интересную придумку пробуем: если получится, то разом все проблемы решим, причем на десятки лет вперед.

Генерал усмехнулся. Причем не добро, как это обычно бывало, когда ему в голову приходила интересная идея, а со злостью. А потом и вовсе убежал, так ничего до конца и не объяснив.

– И что это с ним? – Буденный обвел взглядом всех остальных. – Будто не выспался.

– Это все новый губернатор Столыпин. Перехватил часть наших пленных, которых везли на работы, и не отдает. Наоборот, требует, чтобы Вячеслав Григорьевич ему и остальных вернул, еще и остановил все наши грузы, чтобы генерал не смог ему отказать.

– А Макаров?

– А Макаров приказал нам обменяться опытом и дополнить уставы броневых частей, – Славский оборвал все посторонние разговоры. – Уверен, наши обсуждения генералу не помогут, а вот дело довести до конца нужно.

В глубине души Семен был совершенно не согласен с этим утверждением, но спорить не стал. Сейчас им действительно нужно заняться делом, а вот потом... Некоторые вещи порой проще всего доносить по-простому, на кулаках, так сказать. Заехать же по пути из Кореи в Ляоян совсем не сложно, а там уже ничто не мешает совместить приятное с полезным.

Еще не все тела были собраны с полей сражений у Йончона и Сегука, а отряд связистов 2-й Сибирской армии уже был отправлен в Согён на подготовку к работе какого-то нового секретного объекта.

– Все не могу привыкнуть, что мы теперь не корпус, а армия, – старший связист Городов сидел на броне одного из двух выданных им «Артуров».

В Корею все еще беспокойно, а так, как сказал Макаров, он может не беспокоиться, что их тронут, а заодно и оборудование можно было с собой захватить.

– А мне нравится, – Чернов сидел с другой стороны от башни с пушкой и чувствовал себя из-за этого особенно гордым. – Главное, Вячеслав Григорьевич теперь всем, кто заслужил, сможет дать положенные звания. А когда все правильно, то меньше шансов, что кто-то со стороны сможет прийти и все сломать.

– Ты про того губернатора?

– Сволочь он, – поморщился Чернов. – Если бы не его якобы принципы, то мы бы могли не прятаться и не делать секреты из того, что всей армии и стране пользу принесет. А так придется новое ценное оборудование ставить у корейцев.

– Ничего, – Городов не сомневался в том, что говорит. – Генерал Ким ведь тоже из наших, а значит, на корейцев тоже можно положиться. Тем более, мы их от японцев спасли, да и девять из десяти их солдат – это бывший 1-й Добровольческий.

– Да я понимаю! Но все равно хочется, чтобы все новинки на своей земле строились.

– А может, Корея тоже частью империи станет...

– Вот когда станет, тогда и успокоюсь, – Чернов невольно заулыбался. – Давай лучше про то, что генерал рассказал. Что ты думаешь о его теории?

– Что он думает не так, как принято. Взять Маркони, он еще в 1901 году передавал сигнал через Атлантику – получилось, но объяснения, как и почему, он сделать не смог.

– Хевисайд в Англии в 1902-м смог. И Кеннели тоже. Я читал их статьи об особом слое атмосферы, который отражает радиоволны.

– Ага, написали, но ничего не сделали. Генерал ведь тоже сказал про слои. Только не один, а два! Один вяжет сигнал, другой отражает. Первый ближе к земле, второй дальше. Соответственно, нам, чтобы отправить сигнал не на сотни, а на тысячи километров, нужно создать волну особой мощности. Чтобы одновременно пробить первый слой и не пробить второй.

– Да, я понял логику. Тогда сигнал отражается туда-сюда, вверх-вниз и может пройти в любую сторону на тысячи километров. В теории.

– Пока в теории... – начал Городов и замолчал, когда их броневик заехал на холм и с него открылся вид на лежащий в низине Согён. Вот только связист смотрел не на саму столицу возрожденной империи Корё.

На вырубленных холмах к востоку от города стояли строительные леса, а под ними медленно собиралась башня связи. Словно паутина из стали, которой придали форму вырывающегося из ствола пушки снаряда.

– Похоже на башню Эйфеля в Париже, только строже, функциональнее, – Чернов тоже не отводил взгляд от стройки. – Когда же ее начали возводить, что уже столько успели?

– Точно еще в прошлом году, – прикинул Городов. – Вот, значит, почему генерал так часто общался с Кимом. И ведь не сказал никому. Впрочем, плевать на тайны – главное, что с такой башней мы сможем рассчитать подходящую частоту для дальних дистанций уже очень скоро. Какая тут высота должна выйти?

– По плану генерала мы целим в 500 килогерц, значит, длина волны – 600 метров, а длина антенны...

– Четверть от длины волны, – Городов прекрасно знал формулу, которую на офицерских телеграфных курсах им преподавали одной из первых. – Значит, башня будет 150 метров, невероятно.

– И, возможно, даже этого не хватит, придется доращивать... – Чернов огляделся по сторонам. – Вы же помните, что нам надо не только отработать связь для армии, но и получить возможность добивать сигналом до Европы и Северо-Американских Штатов.

– Сколько от нас до Лондона? Девять тысяч километров. А до побережья Америки? Все пятнадцать. Вот будет потеха, когда мы дотянемся до любого их города, – Городов хохотнул.

– Даже не верится, что мы на такое замахиваемся, – потер лоб Чернов. – Ну ладно просто отправить сигнал, но принять, расшифровать его на такой мощности – какое оборудование придется строить. А ведь генерал хочет, чтобы мы передавали не просто код, а голос! Какая же это частота понадобится? А чистота?

– Вы не верите в его идею с гетеродином?

– В теории все звучит логично. Мы ловим внешний сигнал, например 500 килогерц, смешиваем с сигналом от встроенного генератора, который дает стабильные 555, и дальше работаем только с промежуточной частотой. Одно минус другое, поставить фильтр, усилитель и детектор звука на 55 килогерц – звучит вполне выполнимо.

– Что ж, будем пробовать, – Городов потер ладони, и его взгляд мечтательно затуманился.

Удивительное дело. В научных делах вся его нерешительность, которая порой мешала на войне, исчезала без следа. Новые вершины, невероятные открытия – вот что по-настоящему манило связиста, заставляя душу петь и трепетать. Возможно, как раз с той самой частотой, которую они будут тут искать.

Уильям Коттман стоял на мостике «ЮСС Нью-Орлеан», пока тот, прикрываясь утренним туманом, уходил все дальше от китайского побережья. ЮСС – значит корабль Соединенных Штатов. Забавно, но начинал свой путь «Нью-Орлеан» совсем с другой аббревиатурой и другим названием. Его построили на верфи Армстронг-Витфорт в 1896 году для военного флота Бразилии, а через два года во время Американо-Испанской войны корабль захватили, лишили приставки про флот Ее Величества, передали под командование Вилли и отправили туда, где он на самом деле мог приносить пользу.

«Нью-Орлеан» был чужим кораблем, но быстрым – а значит, подходил для своей главной задачи, патрулированию побережья Китая и слежке за силами великих держав, что начали собираться в этом забытом богом уголке мира. В январе, конечно, далеко на север не зайти, но Вилли это было и не нужно. Рядом с его целью море никогда не замерзает.

– Капитан, а правда, что вас могут перевести в Манилу на «Бруклин»? – лейтенант-командер Филдс нервничал и молот языком не по делу, но сейчас у них еще было время, и Вилли решил, что и сам не против немного поболтать.

– Если справимся с задачей, контр-адмирал Эванс дал слово.

– Говорят, что его должны были перевести на Атлантику, но...

– Сейчас у нас здесь дел больше, чем в Атлантическом океане, – обрезал лейтенанта Вилли. – Будь иначе, разве шесть новых линкоров строили бы именно для Тихого океана?

– Я слышал, что линкоры класса «Коннектикут» в разы лучше любого японского или русского корабля.

– Еще бы, – Вилли расцвел, представив себя на мостике «Миннесоты», которую как раз собирали в его родном штате. – Два сдвоенных 12-дюймовых орудия, четыре опять же сдвоенных 8-дюймовки в башнях, и ни одного бесполезного 6-дюймового ствола, которыми все еще забиты старые броненосцы. Причем не только у стран попроще вроде Японии или России, но и у Англии! А еще нормальная связь, вентиляции, помпы. Ну и, конечно, броня. В башнях поменьше, зато корпус...

О новых кораблях он мог говорить часами, но не в этот раз.

– А вы слышали про монстра, которого англичане заложили в Портсмуте? – Филдс взял и разом испортил все настроение.

– Это только слухи.

– Но если правда? И название такое, цепляет за душу – корабль Ее Величества «Дредноут»! Мы вот обсуждали с другими офицерами: если он на самом деле такой, как говорят – новый двигатель, броня и все 12 орудий в 12 дюймов – его же не победить. Захочет – уйдет, захочет – догонит. А одинаковые орудия – это очень удобно. У нас-то разные калибры, и когда пристрелка идет, никогда не поймешь – вон тот всплеск от шести дюймов или от восьми. А если не понять, то как вносить корректировки и наводить? На «Дредноуте» же с одинаковыми пушками и думать не надо – в момент наведешься. А как наведешься, сразу до свиданья: от такого количества 12-дюймовок не выживают.

– Хватит! – Вилли остановил разговарившего лейтенанта. Что-то от его болтовни на душе на самом деле стало беспокойно.

А еще впереди показались знакомые силуэты. Холмы, порт, дымы работающих круглые сутки мастерских. Пока они выглядят как плоский рисунок, но еще пара километров, и картина начнет обретать объем. А значит, пора... Вилли отдал приказ приготовить орудия, и весь корабль замер в нетерпении. С одной стороны, их точно не ждут, и ничто не мешает просто подойти и сжечь все, до чего дотянутся их орудия. С другой... на душе все равно было как-то беспокойно.

Глава 5

Петр Аркадьевич Столыпин сегодня опять не ложился спать. Чертова Маньчжурия, чертов Макаров. Чем-то он напоминал Алексашку Меншикова – тот тоже приносил пользу Петру, но и проблем доставлял не меньше, а потом и вовсе вмешался в судьбу следующего царя, запустив бесконечную череду государственных переворотов. И ведь Макаров тоже может до такого дойти...

– Опять о нем думаешь? – Борис пока еще не уехал в Дальний, решив задержаться в Ляояне, куда вместо Харбина и Мукдена как-то сами собой начали стягиваться нити экономического контроля над регионом.

– А как не думать? Он снова победил... Пленных японцев везут поездами, Витте, как собака, вцепился в Мацухито и без мира нас не оставит. Но во что это выливается? Разве ты не видишь, что Макаров фактически превращает пленных в своих крепостных? Сначала они, потом местные, а потом и любые крестьяне, что приедут сюда из России!

– А мне кажется, что ты ушел в достоевщину и уж слишком сгущаешь краски. Или это не ты сам, а влияние Зинаиды Николаевны? Вы же с ней теперь чуть ли не каждый день телеграммами обмениваетесь. С одной из Юсуповых, напомню, которые всегда выступали за сохранение аристократических привилегий, в том числе свобод Финляндии, Польши и Кавказа. То, с чем ты всегда хотел бороться!

– В одном ты точно прав: раньше мы не могли понять друг друга, – согласился Столыпин, – но, когда я получил это назначение, вместе с ним пришло и письмо от Зинаиды Николаевны. И поверь, она очень мужественная женщина, раз смогла хотя бы частично признать мою правоту. Твоей сестре не о чем волноваться, тут нет никакой романтики, просто споры двух энтузиастов о судьбе России. Что может ее сломать, а что помочь.

– А я вот слышал, – Борис не сдавался, – что это именно Юсуповы, Нарышкины и Голицыны убедили государя оставить в Маньчжурии Макарова.

– И это разумно. Несмотря на мои с ним разногласия по хозяйственным вопросам, пока здесь стоит 2-я Сибирская армия, японцы будут вести себя осторожно. Вон, Китай даже не пискнул, признав расширение нашего влияния с зоны КВЖД на всю Маньчжурию и Корею.

– И все же! Разве не удобно, что генерал и губернатор, которые могли бы навести шороху в столице, оба отправляются подальше от нее? Вроде бы и повышение, но тем же Юсуповым проблем так будет меньше. А уж если получится вас столкнуть еще...

– Ты наговариваешь, – возразил Столыпин, но в глубине души был вынужден признать, что в словах его старого друга есть смысл.

– Может, хотя бы не будешь спешить и поговоришь с Макаровым лично?

– Может...

Не успел Столыпин ответить, как к нему в кабинет ворвался адъютант со срочным докладом. Личным приказом Макарова все задержанные ранее пленные были выдернуты из временных лагерей и отправлены дальше на рабочие предприятия Ляояна и Инкоу.

– Петр, тебе все равно не стоит спешить, – Борис попытался удержать Столыпина.

– Нет, не стоило спешить кому-то другому. Объявите, что мы приостанавливаем все контракты с предприятиями Макарова.

– Но они возят не только промышленные товары. Все поставки хлеба и других продуктов питания из Китая идут через него.

– Выйдите на китайцев напрямую. Уверен, найдутся те, кто захочет сесть на этот поток. Макаров показал пример, но это не значит, что пользоваться им может только он.

– Что-то еще? – адъютант с восторгом таращил глаза на нового губернатора.

– Также подготовьте приказы о проверке всех арендуемых Макаровым объектов. В случае любых нарушений будем расторгать договоры. И да, раз уж наш генерал использовал силовое прикрытие, все наши проверки проводить только при поддержке жандармов.

Договорив, Столыпин откинулся на спинку кресла. Где-то через час его канцелярия подготавливает все документы, потом он их подпишет, и назад станет уже не повернуть. Может, все-таки – он бросил взгляд на Бориса – сначала поговорить с Макаровым? Но нет! Он – представитель империи, а империя должна строиться на силе, на равных правах и возможностях.

И чем раньше это усвоят такие вот Макаровы, тем лучше будет для всех!

После завершения операции с проверкой американских и английских поставок Казуэ так и осталась в Сасебо, приглядывая за портом. Брату было веселее – его князь Ито отправил в Осаку, а там все-таки побольше жизни. По крайней мере, так было ровно до сегодняшнего утра, когда в районе шести с хвостиком город проснулся от канонады артиллерийских выстрелов и зарева пожаров над портом.

Понимая, что она просто обязана разобраться в происходящем, Казуэ рванула к своей наблюдательной позиции. Это, конечно, не район Йосидзаки на холмах, оттуда вид был бы получше, но столь выделяющиеся места первыми заняли японские артиллеристы, поэтому девушке пришлось довольствоваться крышей четвертого этажа в административном районе Хонмачи. К счастью, с хорошим биноклем Казуэ и так могла разглядеть все, что нужно. Горящие склады, суeta торговых судов на рейде и быстро уходящий вдаль хищный силуэт вражеского корабля.

Выхватив лист бумаги, Казуэ в несколько резких мазков кисти зарисовала его. Теперь в случае чего можно будет свериться с военными архивами и опознать, кто это точно был... Подумав, девушка сделала еще одну копию рисунка, а потом поспешила вернуться в каморку под первым этажом, которую официально снимала. Стоило затаиться хотя бы на время. Казуэ ожидала комендантского часа, но, как ни странно, администрация Сасебо делала вид, словно ничего и не случилось.

А через пару часов в продаже появились утренние газеты, и Казуэ, выйдя вместе с остальными горожанами и рабочими порта на улицу, так же дружно возмутилась подлостью русских моряков, которые расстреляли чужую землю. Чуть тише, но также вместе со всеми она посетовала на японский флот, который пропустил такой удар. А дальше общественное мнение разделилось.

– Мы должны отомстить России! Император только собрался подписать мир, а они уже показали, каким будет наше будущее после этого! – молодой японец, судя по обветренной коже, был откуда-то с севера.

Возможно, в том числе и поэтому его не поддержали.

– Это позор! Мы слишком слабы, чтобы самим защитить себя! – еще один странный крикун, и снова северянин.

Казуэ обратила внимание, что от всех неместных сразу начали держаться подальше.

– А вы видели, что враг стрелял только по складам угля в районе Миура? – пожилой рыбак заметил то же, на что обратила внимание и сама Казуэ.

И вот на эту тему люди уже готовы были говорить.

– А я тоже видел!

– В порту стояли миноносцы, но их даже не обстреляли.

– А они и сами в море не вышли, хотя, когда русские крейсера пытались к берегу подойти, сразу встречали.

– Странно все это...

С последними словами Казуэ была согласна с каждой минутой все больше и больше. Странная атака, странные голоса в толпе... Ей срочно нужно было связаться с князем Ито, вот

только на подходе к телеграфу ее уже ждали. Внимательные глаза одетых в штатское кэмпэнтай выцепили ее среди других, и сразу четверо жандармов двинулись к девушке, окружая со всех сторон.

– Я – человек князя Ито. Прошу связаться с ним и подтвердить мои полномочия, – Казуэ попробовала решить вопрос мирно.

– Князь Ито арестован по подозрению в измене, – холодно ответил младший из жандармов.

Другие тут же на него цыкнули, но все было уже сказано. Странная атака, странные разговоры, арест князя – все это было звеньями одной цепи. Но какой? Кто-то смог продать продолжение войны? Казуэ передернуло.

– Император сегодня утром подписал мир с Россией, – старший кэмпэнтай попробовал успокоить девушку. – Если вы из окружения князя Ито, то наверняка вас скоро выпустят. Не надо сопротивляться.

И вот тут в картину мира встал последний кирпичик. Мир – кому-то он был совсем не нужен! Вернее, совсем не нужен был мир, где Япония начнет искать общий язык с Россией, а поэтому неизвестный нанес сразу несколько ударов, чтобы сорвать на корню возможный союз. А если так... Казуэ прекрасно поняла, что живая Такамори, которая слишком много знает, точно будет лишней в этой партии.

– Прошу прощения, – девушка выхватила из-за пояса самодельную гранату, замаскированную под флакончик с дешевыми духами.

Та самая германская взрывчатка, которую они тогда с Сайго нашли на складе и немного прихватили про запас. Резкий взмах, терочный запал со змеиным шипением проехался по специально пришитой на манжет полоске – искры, бросок, взрыв! Стекланные осколки рассекли лица жандармов и пары оказавшихся слишком близко прохожих. Жалко, но выбора не было. Пригнувшись, Казуэ побежала подальше от растерявшихся кэмпэнтай, а когда ее все-таки снова заметили, по высокой траектории закинула назад еще один флакон. Специально, чтобы обычные горожане успели увидеть, осознать – и с ревом броситься во все стороны.

Кого-то задавили, но от взрыва уже никто не пострадал, а между девушкой и жандармами оказалась такая плотная толпа народу, что добраться друг до друга они больше не могли. Казуэ даже пригibasь перестала. Наоборот, выпрямила спину и гордой походкой зашла в ближайший магазин. Здесь уже, ускорившись, проскочила к черному ходу. Дальше бег, тайник с запасной одеждой и кошелек с наличкой, чтобы купить билет до Осаки.

Нужно было действовать быстро. Вытаскивать брата – с этим она точно справится. А потом... Вытаскивать князя Ито? Вряд ли это возможно. Уезжать из Японии? Вариант. Благо девушка точно знала одного человека, у которого всегда найдется работа для беглых Такамори.

Вот так денек начался.

С самого утра мир содрогнулся от подлости русской атаки на мирный порт, и это когда император уже принял все наши требования и условия. По крайней мере, именно так написали все европейские и американские газеты – слишком слаженно, слишком дружно, чтобы поверить, что все это случайность. Ну, а вариант, что эта атака на самом деле была совершена одним из наших кораблей, я и вовсе не рассматривал.

Похоже, проект с радиостанцией, чтобы получить возможность доносить до мира и нашу точку зрения, из второстепенного выходил на первые роли. К счастью, дела там шли довольно успешно. Лично я не ожидал, что моя теория настолько быстро воплотится в жизнь, но реальность оказалась способна и на приятные сюрпризы. Так, в армии нашлось достаточно офицеров, прошедших через физико-технический институт, лично слушавших там лекции Александра Степановича Попова и горящих желанием поработать с новомодными передатчиками и приемниками.

Я-то думал, что до изобретения ламп нам ничего не светит – я ведь понятия не имею, как именно они работают – но Городов, уже пытавшийся доработать нашу связь, давно нашел выход. Дуговой генератор Поульсена, запатентованный в 1902 году. Если искровой сигнал постоянно затухал и был слишком широким, забивая все диапазоны, то дуга фактически позволяла получить чистую волну. Естественно, не без минусов: чем дольше сигнал, тем сильнее греется дуга и тем больше гуляет частота. Тем не менее, уже этого было достаточно для первых опытов, а на перспективу уже лично я нашел еще одно полезное изобретение.

Еще в 1880 году братья Жак и Пьер Кюри открыли пьезоэлектрический эффект, суть которого заключалась в том, что некоторые кристаллы при механическом сжатии создавали электрическое напряжение. И, как оно обычно и бывает в природе, этот эффект работал и наоборот. Если подать на те же кристаллы напряжение, можно было получить вибрации. При чем вибрации, чью частоту мы могли раз и навсегда задать, подобрав толщину пластины того же кварца. Опять же оставалось рассчитать под это дело формулы, вывести эту самую толщину, и что-то еще точно вылезет в процессе... Но я уже не сомневался, что уже скоро мы получим самый сильный и точный передатчик радиосигнала во всем мире.

Еще и корейцы очень активно включились в постройку вышек для будущих антенн. Я опять же ожидал воровства, затягивания сроков, но молодая империя Корё оказалась слишком благодарна России за помощь, чтобы размениваться на такие мелочи. Любые поставки, тысячи людей на стройке – Согёнская радиобашня росла как на дрожжах, опережая свою сестру, заложенную в Инкоу, раза в два... Через сколько мы сможем уже начать первые пробные передачи? Месяц? Два? Вряд ли больше.

– Вячеслав Григорьевич, и что будем делать? – Огинский, который и занес мне неприятные новости, ждал моей реакции.

– Это была не попытка сорвать мир, его уже подписали. Но это был удар по нашей репутации, – ответил я. – Можем ли мы что-то изменить, исправить?... В будущем да, сейчас же продолжаем все так же готовиться к возможным атакам по побережью. Какие новости по нашим пленным?

– Отряд Хорунженкова перехватил всех задержанных и переправляет их дальше на работу. Наши предложения по оплате и награде через три года до них донесены. Реакция в целом положительная.

– Вот и хорошо, – я кивнул. – Есть ли какие-то подвижки по инженерам?

Очень важный вопрос. Я уже не раз обсуждал со своими офицерами доработку наших стратегий, и в процессе мы вышли на два самых узких места, которые нельзя было решить даже за деньги. По крайней мере, не в лоб. Первая проблема – это двигатели. Декабрьские испытания в Санкт-Петербурге показали, что сначала другие страны сделали шаг в сторону дешевых и легких машин, но последняя кампания в свою очередь четко показала слабости такого решения.

А значит, очевиден переход к другой крайности: как на море все страны начинают двигаться в сторону все большей брони, мощности моторов и диаметра орудий – как говорится, 400 миллиметров не предел – то не стоит удивляться, что та же логика проявит себя и на суше. А готовы ли мы к подобному вызову, который станет реальностью если не в этом году, то уже в следующем?

– По горным инженерам пока глухо, – рассказывал Огинский. – Нашли несколько человек, которые, говорят, у самого Менделеева учились, но... Опыта в добыче и очистке редких металлов у них нет. Правда, Джек Лондон говорил, что у него были знакомые в одной из рудных компаний Северо-Американских Штатов, и можно попробовать нанять их хотя бы для начала, но это он уже сам расскажет.

– Да, мы должны встретиться вечером.

Я замолчал, прикидывая, насколько может задержаться эта линия развития. Редкие металлы – это возможность выхода на гусеницы, которые не развалятся через пару часов или даже минут, броню, которая будет держать удар чего-то больше 47 миллиметров, бронебойные снаряды, которые станут ответом на появление у любого врага тяжелых машин следующего поколения. Ну и, конечно, без нормальных металлов не может быть и речи о своих двигателях хоть сколько-то приличной мощности.

Я помнил, что в Санкт-Петербурге Анна Нератова уже купила для нас лицензию на легкий «Панар» и почти договорилась с «Рено». Но технологии сами по себе не работают. Для них нужны ресурсы! А еще, даже выйди Путиловский завод на любой возможный для него максимум по этим самым моторам – этого все равно будет недостаточно. Для всей империи-то! Впрочем, даже если я и не прав, пусть лучше двигателей в стране станет больше – в случае чего пустим их в гражданский сектор – чем постоянная нехватка и дефицит.

– Что же касается снарядов... – продолжил Огинский, касаясь второй главной проблемы.

Да, как бы банально это ни звучало – нам их тоже не хватало. Один миллион годового запаса, который был рассчитан теоретиками на начало войны, сейчас при интенсивной работе на потенциальном фронте от Балтики до Черного моря можно было бы потратить за неделю. У нас в Корее на 50 километрах мы бы справились за месяц... Тоже никуда не годится! И опять же любые мощности, которые смогут дать даже в идеальном случае Обуховский, Тульский, Сестрорецкий и все другие заводы – их было недостаточно.

А значит, у меня просто не оставалось выбора. Искать людей, искать ресурсы и выходить на собственное производство. Благо с первым благодаря пленным вопросов не было, уголь и сталь мог дать Китай. А вот порох, станки и специалисты, которые смогут все это запустить – их нужно было искать. Частично меня опять выручало то, что в русской армии начала 20 века оказалось огромное количество образованных людей, которые были готовы поработать на благо Родины. Станки – что могли, искали в свободной и не очень продаже, остальное – если решим проблему с металлами, готовились делать сами.

Ну и самое сложное – порох. Несмотря на то, что его производство формально не было запрещено частным лицам, неофициально получить лицензию кому-то кроме казенных заводов было просто нереально. Но и тут я видел не тупик, а возможность сделать еще один шаг вперед. Среди прочих бумаг у меня на столе еще с того года лежал доклад моих японцев о найденной на складе в Сасебо германской взрывчатке. Сами японцы, похоже, тротилом не особо вдохновились или просто война закончилась слишком быстро, чтобы до него дошли руки.

Но я запомнил. Как и готовность немцев искать покупателей для своей новой взрывчатки по всему миру. А раз есть интерес, то будет и возможность договориться. Так что на этот вечер у меня намечен не только Джек Лондон, но и молодой фон Винклер. Учитывая, что мы в отличие от остальных наблюдателей не стали ограничивать ему доступ к телеграфу, он должен был хорошо показать себя в глазах Берлинского начальства. А значит, теперь можно будет попробовать и мое предложение передать.

– И последнее, – Огинский закончил с проектами и бахнул на стол доклад от себя лично.

– Как вы знаете, моя задача – искать врагов изнутри корпуса, а теперь и армии...

– Опять революционеры?

– Хуже. Учитывая, что остальные силы постепенно перекидывают на Родину, среди солдат 2-й Сибирской начинают ходить слухи. Что мы тут навсегда, и что даже землю тут дают, потому что дома все давно забрали. Пока дисциплина держится, но чем дальше, тем эти разговоры громче. И это, – Огинский опередил меня, – не злые языки со стороны – их бы мы просто поймали, и я бы даже не стал тратить ваше время. Но люди на самом деле волнуются, и их надо как-то успокоить!

Я нахмурился. А ведь и в моей истории было так же: война закончилась, но солдат просто не получалось быстро вывезти домой. Чуть до бунта не дошло, но Линевиц справился, остудил

горячие головы. А сейчас, значит, этим уже мне придется заниматься. Причем попытка заранее решить проблему, предложив ветеранам маньчжурские земли, не помогла. И боевое братство бывшего 2-го Сибирского – да, оно сдерживает людей, но, чтобы совсем остановить их, его уже оказалось недостаточно.

Увы, страхи они такие – их голосом разума сложно перебить. И что тогда остается? Действовать жестко, раз по-хорошему не понимают, или все же есть варианты...

Глава 6

– Генерал говорить будет...

– Что?

– Генерал!

– Говорить будет!

Слухи разлетались по лагерю бывшего 2-го Сибирского словно лесной пожар. Пожалуй, если бы кто-то рассчитал их формулу подобно скорости звука или света, то в уравнение точно стоило бы добавить что-то про прямую зависимость от их важности, неожиданности, а еще обязательно про возможность обходить законы физики. Иначе как можно было бы объяснить, что всего за час даже без использования телеграфа о выступлении генерала Макарова узнали все части, растянувшиеся на 50 километров от Амсила до Йончона?

Старший унтер-офицер Палкин, перепрыгнувший одно звание за обнаружение отряда Хасэгавы и за последующее геройство при поддержке дивизии Шатилова, оглядывался по сторонам. Он был одним из тех, кто подавал рапорты начальству, что армия неспокойна. Еще только в восемь утра подавал, а вот полдень, и генерал уже реагирует. Значит, правильно он все заметил, правильно не стал молчать.

– Интересно, что он скажет? – Михал внимательно озирался вокруг.

Он теперь тоже не рядовой: ефрейтор, а значит, скоро получит свою первую тройку разведчиков.

– А мне кажется, что бы ни сказал – какой в этом будет смысл? – Савва пожал плечами.

Ему вот сразу новое звание не дали. Записали на курсы как недостаточно опытного: два месяца придется погрызть гранит науки, зато потом, по слухам, если сдашь все экзамены на отлично, можно получить золотой билет. В смысле возможность выбрать совершенно любые войска, которые только есть, и получить туда назначение.

Савва об этом мечтал, но трезво оценивал свои силы и понимал, что вряд ли сможет зацепиться за такую возможность, и от этого злился и нервничал.

– Что ты имеешь в виду? – спросил у парня Палкин.

– Ну смотри, солдаты волнуются, что застряли тут на всю жизнь. Чужая земля, чужие люди. Одно дело победить врага, другое – никогда не вернуться домой. И, что самое главное, генералу это не изменить. Выплаты, слава, любые обещания – вот, что у него есть, но простым солдатам-то нужно другое...

– А мне кажется, что генерал что-то придумает, – после повышения Михал стал спокойнее и увереннее.

– И я в это верю, – кивнул Палкин. – Вон как японцев победили. Они такую силу собрали, думали, что в землю нас вкатают, а он взял и за пару дней обратил их в бегство.

– А я слышал, – продолжил Михал, – как пара иностранных наблюдателей ругались на генерала. Они-то тоже, как и японцы, думали, что нам не победить. А вот теперь пусть лучше поломают голову, как в случае чего уже их армии будут пытаться сдерживать 2-й Сибирский.

– А что?! – неожиданно воодушевился Савва. – Если начнется большая война, нас ведь обязательно перекинут в Европу. Там и слава слаще будет, и домой вернуться проще.

– С чего бы в Европе слава слаще? Я, конечно, Париж не брал, но японцы-то дрались храбро. Мы их не шапками забросали, а честно победили, и я, когда придет время сыну об этом рассказывать, глаз отводить не буду.

Спор начал разгораться, но тут в толпу ворвался рев тяжелого броневика, и огромная машина подъехала к краю занятого солдатами поля. Мгновение, и на орудийную башню поднялась знакомая фигура. Генерал... Макаров обвел взглядом нижних чинов, а потом поднял акустическую трубу, чтобы его голос было слышно даже тем, кто стоял в самых дальних рядах.

– Мне рассказали, что вы волнуетесь, будто не сможете вернуться домой... – генерал замолчал на пару мгновений, давая толпе ответить.

– Да, ваше высокопревосходительство!

– Не можем вернуться!

– Не хотим помирять на чужбине!

– Я услышал ваши страхи и желания, но должен сказать, что приказ у нас один. Государь приказал, и 2-я Сибирская армия занимает Маньчжурию и будет стоять здесь столько, сколько нужно.

Савва гордо обернулся к Палкину и Михалу: мол, я же говорил, даже генерал не может ничего изменить. А толпа тем временем заволновалась. Не крики, но обида.

– Мы же японца победили.

– Заслужили домой.

– Надо донести до царя правду.

На последних словах Палкин разом напрягся. У него было не так много опыта в понимании народных волнений, но разведчиков обучали не только полевой деятельности. Так, князь Огинский рассказывал о том, как они могут справиться с внутренним врагом, и отдельно о том, какой кровью могут закончиться такие вот поиски правды.

– Мы получили приказ нашего государя, и мы его выполним, – продолжал тем временем генерал. – Однако те, кто желает вернуться в Россию, могут уехать.

Пауза.

Все молчали, не понимая, как можно одновременно выполнить приказ оставаться и вернуться домой.

– Но что нужно сделать?

– Как вернуться?

Пара робких голосов из толпы царапнула по ушам.

– Как вернуться? Все просто, я договорился. Начиная с сегодняшнего дня и в течение недели любой перевод в 1-й Сибирский полк генерала Штакельберга будет автоматически одобрен. Пишите запрос сами, просите офицеров, вам помогут, и возвращайтесь.

– Но как же остальные? – Палкин сам не понял, как выкрикнул этот вопрос. Просто что-то подхватило и придало смелости.

– Бросить наш 2-й Сибирский? Да никогда!

– Мы от броневиков не бежали, а тут... разнылись, словно барышни!

– Неужели нельзя всем отсюда уйти?

Толпа бурлила, но в ней больше не было недавней обиды и решительности. Только растерянность, а еще... Теплота. От тысяч людей, которые разом вспомнили, что они смогли сделать все вместе.

– Я повторю, – голос генерала гремел над лагерем. – Желаящие могут уйти в течение недели, это мой личный подарок тем, кто своей кровью доказал верность Родине. Вас не обидят деньгами, не осудят... Но эти семь дней пройдут, и с того момента я буду считать, что все остальные принадлежат душой и сердцем новой 2-й Сибирской армии. Мы останемся там, где Родина поручила нам исполнить свой долг. Потому что мало захватить несметные богатства новых земель, как мы это сделали. Надо еще их и удержать!

И генерал ушел. Сделал свое дело и ушел. Армия все еще волновалась, но теперь это было совершенно другое волнение.

– Ну что, Семен, поедешь домой? – кто-то из солдат начал подтрунивать над товарищем.

– Да какое домой! Сказал же генерал, что нужно защищать взятое. Значит, будем! – встревоженный голос словно ждал продолжения шуток, но его хозяина только обняли и встретили его решение дружным ревом.

Армия приходила в себя. А старший унтер Палкин невольно думал, как же ловко генерал все это провернул. Хотя «ловко» – не то слово. Правильно будет – храбро. Некоторые офицеры боятся выходить к толпе, а генерал не сомневался. А еще он не испугался опасности гораздо более страшной, чем солдатские волнения...

– Не помню, чтобы слышал про такое в армии последние лет десять. Чтобы генерал и готов был прикрыть солдат перед самым царем, – Михал думал о том же. – Он ведь ни с кем ничего не обсуждал. Просто не успел бы. Сам решил, сам дал слово, сам был готов за него отвечать.

– Наш генерал, – просто подвел черту Савва и широко заулыбался.

Хикару Иноуэ впервые за долгое время шел по улице, шурясь на солнечный свет. Ему дали побриться, помыться, в целом привести себя в порядок. А теперь капитан Кодзи Уэхара вел бывшего генерала в сторону дворца Эдо. Или не бывшего? Учитывая, что из сопровождения с ним был только один офицер – что это, как не знак доверия и признания?

– Уэхара, а вы же раньше в 3-й армии Ноги служили? – Хикару вспомнил, где уже слышал эти имя и фамилию.

– После разгрома под Дальним нас переформировали. Вы тогда так и не вернулись в штаб Тамэмото Куроки, но меня как раз распределили в 1-ю армию.

– И как там дела? Все еще готовитесь к войне? – Хикару нахмурился, в очередной раз вспомнив, из-за чего оказался не у дел и теперь даже не знает, что творится в мире.

– Готовимся? Уже давно нет, – на лице Уэхары мелькнула тень. – Два месяца назад мы начали переброску новых броневиков на материк, три недели назад началось сражение на Корейской дуге, а потом... Броневая дивизия генерала Хасэгавы, а вместе с ней и вся 1-я армия были разбиты и окружены.

– Генерал Куроки? – выдохнул Хикару, которого словно оглушило.

– Погиб во время попытки прорыва. Полковник Хагино подстрелили за сутки до него, когда разведка старалась нащупать для нас хоть одну подходящую дорогу. Генералы Ниси и начальник штаба Матсуиши были ранены еще раньше. Судьба генерала Хасэгавы неизвестна, но вариантов немного. Или смерть, или раненым он попал в число тех 60 тысяч пленных, что до сих пор пакуют солдаты Макарова.

– А вы?

– Мне повезло. Трижды. Оглушило во время прорыва, а потом солдаты вытащили на своих плечах, – Уэхара потер еще свежий шрам, который до этого прятал под фуражкой. – И наша группа оказалась единственной, что смогла оторваться от русских броневиков и отойти на юг. Меня так и дотащили прямо до самого Сеула. Только там узнал о разгроме и чуть не умер снова, когда пытался вырваться из госпиталя и вернуться обратно. Сейчас-то понимаю, что это не имело бы никакого смысла, но тогда... Чуть с ума не сошел.

– Мне... жаль.

– Мне тоже жаль, что вас с нами не было. Генерала Иноуэ многие ругали за то, что вы первым начали признавать успехи русских. Но кто их сейчас не признает? Если бы вы были с нами, возможно, мы бы смогли... Пусть не выжить, но не лишиться всего за какие-то пару дней.

– Я тоже ни разу не смог выиграть у Макарова, – напомнил Иноуэ, беря себя в руки.

Если Японии нанесли очередное поражение, да еще и такое, когда целая армия попадает в плен – это меняет ход войны. Возможно, сегодня император все-таки сможет услышать его слова. И пусть не на поле боя, но он еще принесет своей Родине пользу.

– И тем не менее сейчас ваш опыт – это одна из самых больших ценностей, что есть у Японии, – не заметив сошедшихся бровей Иноуэ, Уэхара продолжал. И чем дальше, тем с большим энтузиазмом. – Да, сейчас мы подписываем с Россией мир, но это вовсе не значит, что мы сможем сосуществовать на текущих условиях. К счастью, союзники нас не бросили. Госпо-

дин Клод Макдональд очень просил императора выделить именно вас для обучения союзного корпуса из английских солдат и японских добровольцев. Я так уже записался! И многие наши, так что у вас под рукой будет достаточно храбрых офицеров!

– А солдаты? – тихо просил Иноуэ, взгляд которого зацепился за собирающуюся со стороны порта и района Кото толпу.

– Эти? Предатели! – презрительно фыркнул Уэхара. – Их вывезли в столицу, спасли от русских пуль, а они смеют сбиваться в толпы и требовать от императора выполнения своих требований.

– Кажется, они просят еду... – Иноуэ прислушался к крикам.

– Это подлая русская тактика, – Уэхара покраснел. – Представляете, что они сделали? Подослали шпионов, те ночью захватили городскую типографию, распечатали свои листовки и раскидали по всему городу. Причем не просто текст, но еще и с картинками, чтобы даже вчера выехавший из своей деревни крестьянин смог понять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.